ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 83 (3267) Вторник, 13 июля 1954 г. Цена 40 коп.

ОТ УРАЛА ДО БАЙКАЛА

СОВЕЩАНИЕ ПЕРЕДОВЫХ ХЛЕБОРОБОВ СИБИРИ

В центре Новосибирска блестит серебряный купол Театра оперы и балета. Со всей Сибири — от Урала до Байкала — съехались сюда передовики сельского хозяйства на совещание, созванное Советом Министров РСФСР.

Здесь—прославленные бригадиры полеводческих бригад, знатные звеньевые и трактористы, председатели колхозов и ученые, директора совхозов и МТС, советские и партийные работники. Рядом с ними сидят новоселы целинных земель.

Немного, кажется, прошло времени с того дня, когда первый эшелон московских добровольцев отошел от перрона Казанского вокзала, — и вот уже новоселы перестали быть новоселами, они по праву вошли в трудовую семью сибиряков.

2118 человек собрались, чтобы подвести итоги сева, посоветоваться друг с другом, наметить конкретные меры по выполнению решений июньского Пленума Центрального Комитета КПСС.

Совещание открыл председатель Совета Министров РСФСР А. М. Пузанов.

Хорошо поработали минувшей весной труженики сибирской деревни. Поднято около двух с половиною миллионов гектаров целинных и залежных земель. С площади в полтора миллиона гектаров уже в этом году будет собран первый урожай.

Сделано немало, но впереди еще более сложная и ответственная пора — жатва. Об этом и говорили докладчики: министр сельского хозяйства РСФСР П. П. Лобанов и министр совхозов РСФСР Т. А. Юркин, уполномоченный Министерства заготовок СССР по Российской Федерации В. Д. Калашников. Об этом говорили и выступавшие в прениях.

...Герой Социалистического Труда Семен Пятница приехал в Новосибирск из Кулунды. Его тракторная бригада ведет сейчас сенокос, копает траншеи для силосных ям. Перед отъездом Семен Пятница прошелся по полям. Пшеница стоит густой стеной: бросишь на нее фуражку — висит, не падает.

— К такому урожаю, — говорит Пятница, — готовиться надо крепко. Берем на себя обязательство: убрать урожай в любую погоду за 20 рабочих дней.

На трибуне—начальник Алтайского краевого управления сельского хозяйства тов. Флорентьев. От имени алтайцев он вызывает на соревнование за высокое качество уборки и заготовок представителей всех других районов Сибири. Зал встречает его слова взрывом рукоплесканий. Вызов принят.

Председатель колхоза имени Сталина тов. Кондрашин, приехавший с Алтая, сообщает, что колхозники артели, подсчитав свои возможности, решили дать государству больше миллиона пудов пшеницы.

— Пусть наш миллион, — сказал тов. Кондрашин, — будет первым вкладом в дело борьбы за дальнейший подъем сельского хозяйства.

Почин подхвачен: Русско-Полянский район Омской области обещает дать государству шесть миллионов пудов зерна. Миллионы пудов зерна, мяса, масла, картофеля и овощей дадут сибиряки стране.

Щедра и богата Советская Сибирь. Неограниченные возможности таит она в себе для развития сельского хозяйства. Вот колхоз «Северное сияние», о котором рассказывает его председатель Иволгин. Колхоз этот находится на крайнем севере Томской области, за сотни километров от железной дороги. Там, где до революции было место ссылки, был край непроходимых лесов и болот, раскинулись теперь богатые колхозные угодья «Северного сияния». Колхозники собирают по 15—20 центнеров зерна с гектара, получают на трудодень по семь рублей. Колхоз «Северное сияние» будет демонстрировать свои достижения на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве.

Участники совещания рассказывают, как они готовятся к уборке, — ремонтируют комбайны, обучают механизаторов, составляют графики работы. Заводы Сибири помогают колхозной деревне: они пошлют на уборку сотни зерноочистительных машин, автопогрузчиков, зернопультов.

Важное значение на предстоящей жатве имеют сушка и очистка зерна. И не случайно во время перерыва десятки людей толпятся в фойе у модели механизированного тока, конструкцию которого разработал отдел механизации сельского хозяйства Западносибирского филиала Академии наук. Однако сушка и очистка зерна все еще остаются «узким» местом. Участники совещания справедливо критиковали Министерство сельского хозяйства, которое весьма медленно механизирует эти работы.

Немало серьезных нареканий раздавалось и в адрес Министерства заготовок, которое медленно строит новые зернохранилища, затягивает механизацию заготовительных пунктов.

В конце заседания с большой речью выступил первый секретарь Центрального Комитета партии Н. С. Хрущев, горячо встреченный участниками совещания.

Совещание передовиков сельского хозяйства приняло обращение ко всем колхозникам, колхозницам, работникам МТС, совхозов, заготовительных органов и специалистам сельского хозяйства Сибири.

НОВОСИБИРСК. **(Наш корр.).**

На гастролях в Москве

Давняя и хорошая традиция — показывать в столице работы театральных коллективов других городов страны. Сейчас москвичи знакомятся с творчеством Молотовского театра оперы и балета и Харьковского украинского драматического театра имени Т. Г. Шевченко.

В репертуаре Молотовского театра оперы и балета большое место занимают произведения советских композиторов. Постановка оперы «Севастопольцы» М. Коваля была удостоена Сталинской премии. И сейчас театр приехал в Москву с новыми спектаклями: операми «Хождение по мукам» А. Спадавеккиа по мотивам трилогии А. Толстого, «В грозный час» Г. Крейтнера по повести М. Лермонтова «Вадим» и балетом уральского композитора А. Фридлендера «Каменный цветок». Из классических постановок москвичи уже увидели «Чародейку» Чайковского и «Запорожец за Дунаем» С. Гулак-Артемовского.

Харьковский театр имени Шевченко показал драму Л. Дмитерко «Навеки вместе», посвященную борьбе украинского народа за нерушимую дружбу с братским русским народом, комедию В. Минко «Не называя фамилий», пьесу Я. Галана «Любовь на рассвете» и другие свои постановки. Всего в репертуаре гастролей восемь классических и современных спектаклей.

АФИНСКИЕ МАККАРТИСТЫ

Как известно, литературная программа Маккарти сводится к весьма несложной формуле: «Забрать все книги бы да сжечь!».

Менее известно другое. Один из первых маккартистов в истории родился в Греции во втором веке нашей эры. Его звали Александром, был он профессиональным шарлатаном, выдававшим себя за сына бога-целителя Асклепия. «Прославился» Александр главным образом тем, что, предвосхищая Геббельса и Маккарти, публично сжег на площади ненавистные ему сочинения философа-материалиста Эпикура, а также всячески натравливал своих сограждан на его учеников.

Недавние телеграммы из Афин свидетельствуют, что греческий предшественник Геббельса—Маккарти нашел последователей в современных Афинах.

Асфалия — греческая охранка — конфисковала на днях роман И. Эренбурга «Падение Парижа» и роман Ю. Трифонова «Студенты».

Так расходились за последние несколько дней современные шарлатаны Александры. Нашлись у них и услужливые подхалимы. Газета «Этникос кирикс», прославляя запрещение книги Эренбурга «Падение Парижа», как подвиг государственной мудрости и прозорливости, пользуется этим случаем для того, чтобы возместить недостаток в логических аргументах потоком отборных ругательств...

Так отвечают афинские маккартисты на благотворную идею расширения культурного обмена между народами, которая находит живейший отклик в умах и сердцах людей обоих полушарий...

В те далекие времена, когда на одной из площадей Греции запылал костер, сложенный Александром из рукописей, нашлись мужественные люди, пригвоздившие мракобеса к позорному столбу. Великий сатирик Лукиан выступил с памфлетом «Александр или лжепророк», в котором беспощадно заклеймил того, кто поднял руку на произведения Эпикура. Он писал: «Представь себе, воспроизведи своим воображением, пестрый состав его души — это смешение лжи, хитрости, клятвопреступлений, козней...». И Лукиан шаг за шагом обличал ложь, хитрость, козни мракобеса так зло и так метко, что сегодняшние духовные наследники Александра запретят, чего доброго, памфлет Лукиана.

Но гражданам нынешней Греции для того, чтобы заклеймить позором афинских мракобесов, не обязательно обращаться к классическим цитатам. Не меньший гнев, чем в памфлете Лукиана, звучит в нынешних протестах общественности. «Греческая интеллигенция, писатели, работники искусств, профессора, студенты,— пишет газета «Авги»,—все должны громко заявить: «нет!». Довольно гонений, довольно тюрем для мысли, довольно мракобесия!»

Мракобесам, как бы они ни назывались, еще никогда не удавалось сжечь свободную мысль. Недаром Эпикур известен каждому образованному человеку, а его гонитель Александр существует только в подстрочных примечаниях к Эпикуру с обязательным присовокуплением слова — шарлатан.

Ефим ДОРОШ

О поэзии колхозного труда

В деревенской читальне, на длинном и узком столе, покрытом кумачом, лежат, ожидая читателя, газеты и журналы. Среди журналов — «Огонек», «Смена», «Молодой колхозник». У них почти одинаковые обложки, украшенные цветными фотографиями. Внешне все они почти в равной степени привлекательны. И невольно задаешься мыслью: что же побуждает деревенского юношу или девушку протянуть руку не к тому, а вот к этому журналу, предпочесть одному другой?

Каждый из этих журналов — «общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный журнал». Все они — в рассказах, стихах и очерках, в статьях, информационных заметках и фотографиях — говорят о сегодняшнем дне страны: о славном труде рабочих и колхозников, о достижениях в области науки, искусства, литературы и спорта, о мыслях и чувствах советских людей. Во всех без исключения журналах рассказывается и о жизни за рубежом — в капиталистических странах и в странах народной демократии.

Правда, на первой странице «Молодого колхозника» оговорено, что журнал этот издается для крестьянской молодежи. Однако трудно определить, чем отличаются интересы крестьянской молодежи от интересов молодежи городской, когда речь, скажем, идет о рассказах и очерках, составляющих основу каждого тонкого журнала.

В нашей стране осуществлено всеобщее, обязательное для всех семилетнее образование, в любом сельском районе существуют и десятиклассные школы, и едва ли найдется такая деревенька, где бы не было библиотеки. Если говорить о запросах эстетических, духовных, а не профессиональных, для удовлетворения которых издаются специальные журналы, то нет, казалось бы, разницы между городскими и деревенскими юношами и девушками. Давно уже минуло время так называемых изданий «для народа», у которых и содержание, и оформление были приспособлены к уровню культуры читателя малограмотного. И не случайно журнал, издаваемый для крестьянской молодежи, как я уже говорил, ничем, в сущности, не отличается от других массовых журналов, не имеющих в своем титуле названной оговорки.

Так нужен ли вообще подобный журнал, не анахронизм ли это в некотором роде, что он до сих пор ежемесячно выходит в свет?

Следует сразу сказать,— нужен!

До недавнего времени встречалась в иных газетах и журналах некая, на мой взгляд, несообразность. В полном соответствии с фактами действительности, законно гордясь этим, литераторы писали, а фотографы иллюстрировали, что, к примеру, из деревни Ивановки вышло столько-то инженеров, врачей, летчиков, писателей, токарей, художников, учителей, шахтеров, артистов, даже академиков или генералов. И в очерках и на фотографиях изображалась, допустим, семья колхозника Петрова или Сидорова, состоящая из старика со старухой, дети и внуки которых живут в больших городах и столицах.

Спору нет, все это правильно; и писать об этом нужно, и фотографировать, и гордиться тем, какие таланты таятся в нашей деревне, какие поистине безграничные возможности открыла советская власть перед крестьянином. Деревня посылала и будет посылать своих сынов и дочерей и в индустрию, и в науку, и в искусство...

И если я говорю о несообразности, то она, по моему мнению, в том, что почти совсем не приходилось встречать рассказов и очерков, в которых с тем же чувством гордости говорилось, что в деревне Ивановке после окончания школы осталось столько-то юношей и девушек, которые стали доярками и телятницами, трактористами и комбайнерами, свинарками и пахарями, сеяльщиками и конюхами, кузнецами, плотниками, избачами, шорниками... И фотографий что-то не приходилось встречать, на которых была бы изображена могучая числом колхозная семья, состоящая из представителей названных специальностей, не ушедших, а **оставшихся** в Ивановке.

Я подчеркиваю именно это последнее слово — оставшихся.

О деревне у нас писали и пишут много, но бо́льшей частью о людях прославленных. Разумеется, о них надо и впредь писать, еще больше и лучше, чем пишут, чтобы талантливая их работа была отовсюду видна, служила примером и образцом для подражания.

Но не следует ли подумать вот о чем: сам факт приобретения деревенским юношей или девушкой «городской» профессии окружен был в глазах молодого деревенского читателя некоей славой, некоей, я бы сказал, поэзией. Так не надо ли справедливости и пользы ради окружить славой, опоэтизировать и тот факт, когда юноша или девушка остаются в деревне, выбирают деревенскую профессию!

И не есть ли поэзия земледельческого труда, поэзия деревенской жизни — главная тема журнала, издающегося для крестьянской молодежи? Мне кажется, что именно этой темой, этим подходом к колхозному материалу должен отличаться «Молодой колхозник» от прочих журналов подобного типа, которые тоже ведь пишут об успехах социалистического сельского хозяйства, о новом быте советской деревни.

С этой мыслью и начал я читать номера журнала, вышедшие в нынешнем году с января по май включительно. Я нашел в них немало интересных статей, рецензий, информационных заметок, бесед, корреспонденций, фотографий и цветных репродукций с картин, вводящих молодого деревенского читателя в большой мир жизни. Нет сомнения, что и в деревне и в городе читатель хорошо отзовется о статьях писателя В. Саянова и академика А. Панкратовой, о беседе народного артиста СССР Игоря Ильинского и записках гроссмейстера А. Котова, опубликованных в одном только январском номере журнала. Такого рода материалы, одинаково интересные и деревенскому и городскому читателю, можно найти буквально в каждом номере «Молодого колхозника».

Если к этому прибавить дельные и содержательные рецензии на новые книги, занимательные и острые заметки на исторические, научные, международные темы, сообщения о работе ряда видных писателей и многое другое, чего попросту не перечислить, то станет понятно, что журнал постоянно держит своего читателя в курсе событий, происходящих, выражаясь фигурально, далеко за околицей колхозного села.

К сожалению, когда обращаешься к тому, что представляется мне главным в работе журнала,— к рассказам и очеркам, раскрывающим поэзию повседневных деревенских дел и событий,— испытываешь разочарование. Правду сказать, во всех пяти номерах этому требованию отвечают лишь рассказы Владимира Фоменко «Серафима» и Владимира Семенова «Учитель» да еще, может быть, два-три очерка.

Владимир Фоменко изображает один день жизни молодой колхозницы Серафимы, которую накануне избрали секретарем партийной организации. В сущности, это обыкновенный деревенский день, без каких-либо исключительных событий, надо полагать, хорошо известный тому молодому читателю, юноше или девушке, который у себя в деревне прочитает этот рассказ. Прочитает — и оглянется вокруг и как бы новыми глазами увидит окружающую его повседневность. Сколько раз видел он то, что увидел обостренный душевным волнением взор Серафимы в это памятное для нее утро, однако проходил мимо, едва ли сознавая, что здесь скрыта поэзия, и только читая рассказ, переживая вместе с Серафимой всю ответственность, возложенную на нее новыми обязанностями, и весь простор открывшегося перед нею пути,— он, молодой деревенский читатель, поймет, как бесконечно дороги и милы его сердцу такие вот будничные, много раз виденные подробности.

«В оконце видно: рядом во дворе горит огонь. Это жгут на палке смоченную бензином паклю — разогревают захолонувшую за ночь машину инженера, что ночует у соседей... Блики от факела, пересиливая тусклую лампу на стене, прыгают по подоконнику. В хате сыро, как всегда весной, когда перестают топить. Серафима—в ночной сорочке без рукавов. Поеживаясь, трет голые руки, на которых от холода выступили пупырышки. Она вздрогнула, натянула кофту, сняла с гвоздя стеганку Михаила и, на секунду прижавшись щекой к пахнущему невыветрившимся бензином рукаву, надела ее. «Мягкая у Михаила стеганка»...

Читатель представит себе находящегося на учебе мужа Серафимы, должно быть, тракториста, вообразит, каким волнующим будет для Михаила возвращение в родную станицу, в хату, где на стене два цветных плаката «Разводите индеек», где на полкомнаты новая никелированная кровать, в головах и ногах которой «одна на другой высоко взбитые нетронутые подушки, застланные просиненным и крепко накрахмаленным, негнущимся тюлем», а на улице, только выйдешь из хаты,— «в рассвете проступают на дороге следы тракторов со стройки, оставленные с вечера в жидкой грязи, а сейчас схваченной резким, но уже совсем весенним, последним морозцем».

Да не его ли это, читателя, хата, не его ли это улица, и не произойдет ли с ним то, что произошло с Серафимой, если он работой своей заслужит уважение односельчан, не испытает ли он точно такое же чувство удивления и гордости, какое испытала в то утро Серафима?

Не так это мало в жизни — хозяином шагать по земле, где ты бегал школьником, и знать, что о тебе говорят: в люди вышел! Читатель «Молодого колхозника» — это вчерашний школьник, который сегодня становится хозяином своего колхоза, «рядовым» ли он работает, «начальником» ли —безразлично. Потому-то и нравится мне маленький, с ладонь, рассказ Семенова, по изобразительным средствам своим значительно уступающий рассказу Фоменко, что в нем изображена работа одного из тех сельских тружеников, которые воспитывают хозяев родной земли,— работа старого сельского учителя. Но и здесь при всей поэтичности образа деревенского интеллигента сказалось непонимание того, сколько поэзии содержит в себе сельскохозяйственный труд. Учитель воспитывает «трудного» мальчика Орешкина, прививая ему любовь к геологии, но разве земля, по которой бегает Орешкин, богата лишь недрами своими, и разве найти железную руду увлекательнее, нежели вырастить колос!

Впрочем, нельзя сказать, чтобы литераторы, сотрудничающие в «Молодом колхознике», не писали о сельскохозяйственном труде. Подавляющее большинство очерков именно этому и посвящено. В этих очерках можно найти полезные сведения и практические советы, которые, надо полагать, помогают крестьянской молодежи в ее работе.

Однако я не убежден, что литератору следует привлекать все те средства, какими располагает художественная литература, чтобы рассказать, к примеру, насколько вреден молодым телятам подсолнечный жмых. Мне представляется, что такого рода сведения могли бы войти в статью ученого или практика, где они заняли бы всего лишь несколько строк, и незачем на этой основе рисовать целую сцену, как это делает, скажем, Владимир Коваленко в очерке «Оля Украинка».

У четверых телят, которых выращивает Оля, расстроились желудки. Озабоченная этим девушка услышала однажды, как доярка говорит о матери этих телят: «...До чего подсолнечный жмых любит...»

«Подсолнечный жмых!» — Олю словно толкнул кто-то. И сейчас же вспомнились зоотехнические курсы, просторная аудитория и тучный седой ветеринарный врач, который, угрожающе подняв указательный палец, говорит: «Заболел теленок — посмотри, что у матери в кормушке!».

А ведь от подсолнечного жмыха в молоке коровы появляются растительные масла, которые плохо действуют на желудок теленка. «Так вот оно что!» — и Оля, схватив доярку за рукав, спросила:

— Давно ты жмых Славе даешь?

— С первого дня, как отелилась,— добродушно ответила та».

Почти весь очерк представляет собою такую вот беллетризованную инструкцию по уходу за телятами. Между тем художественность не в том, чтобы расцветить инструкцию, а в том, чтобы раскрыть поэтичность труда, то удовлетворение, ту радость, какую черпает человек в труде, те горести и печали, какие приносят ему неожиданно возникшие препятствия, то наслаждение, которое охватывает его, когда он преодолел эти препятствия. Едва ли кто-нибудь стал бы возражать против приведенного выше эпизода и ему подобных, если бы в очерке было главное — человек, не в том смысле, что он краснеет, опустил глаза и так далее,— этого в очерке более чем достаточно,— а в смысле раскрытия характера, раскрытия душевного мира человека.

Но Владимир Коваленко, если и не раскрывает поэтичность сельскохозяйственного труда, то хотя бы говорит о нем живо, занимательно, что называется, человеческими словами. Во многих же очерках «Молодого колхозника» и этого нет. Вот, например, как рассказывает о работе сельских механизаторов М. Александров в очерке «Сегодня под Ровно».— «График в бригаде Романа — нерушимый закон. Просто представить себе никто не мог, чтобы вдруг что-нибудь сорвалось, пошло не так. Да и отчего идти не так, коли все продумано, учтено, рассчитано до мелкой детали?» Характерно, что, когда дело касается неважного, второстепенного, автор прибегает к некоторому оживлению очерка, довольно примитивному, правда,— он приводит прямую речь, к слову сказать, лишенную какой бы то ни было индивидуализации. А вот о главном, ради чего стоило писать очерк, говорит, к примеру, так: «Быстро в трудах пролетело лето. А осенью случилось то, о чем до сих пор в МТС говорят с удивлением: на первое место по всем показателям вышла женская бригада Чайки!»

Скучно по большей части пишут о сельскохозяйственном труде очеркисты «Молодого колхозника».

Создается впечатление, будто иные литераторы, печатающиеся в журнале, считают, что в труде человека, работающего на земле, вовсе и нет поэзии, что рыбная ловля, к примеру, куда поэтичнее.

Иначе чем же объяснить, что Анатолий Ференчук, писатель даровитый, точно и выразительно изображает в очерке «Твой товарищ», как вместе с паромщиком они «снимали с крючков перемета скользких пучеглазых сомят», а когда речь заходит о людях, отделывается следующей скороговоркой: «Прошло шесть лет. Председатель не ошибся: бригада, где работали друзья-фронтовики, стала передовой в колхозе. За высокие урожаи бригадиру Михайлюте правительством было присвоено звание Героя Социалистического Труда». Но ведь как раз в том, как стала бригада передовой, и заключена подлинная поэзия!

Следует сказать, что журнал куда лучше справляется с другой задачей, которая, на мой взгляд, не может не стоять перед печатным органом, издающимся для крестьянской молодежи. Я имею в виду борьбу с еще имеющими распространение в деревне пережитками старого в сознании людей. Молодой деревенский читатель найдет в прочитанных мною номерах журнала отличный фельетон И. Рябова «Случай в Заозерке», разоблачающий пагубный вред знахарства, фельетон Н. Владимирова «Под колокольный звон», едко высмеивающий тех юношей и девушек, которые венчаются в церкви, увлекаются разучиванием молитв и церковным пением, забавный фельетон М. Максимовича «Костин язык», направленный против канцелярского суесловия, юмористический рассказ Леонида Ленча «Встреча на станции»...

Этот последний рассказ невольно заставил задуматься над тем, что вот нашелся же писатель, который талантливо осмеял юного сельского обывателя, бегущего из деревни в городские дворники, а что-то не часто встречаются на страницах журнала авторы, которые талантливо восславили бы тех юношей и девушек, что скромным трудом своим способствуют выполнению задач, поставленных партией перед деревней.

Между тем именно такого писателя прежде всего ожидают встретить молодые деревенские читатели, когда берут со стола сельской читальни свежий номер журнала «Молодой колхозник».

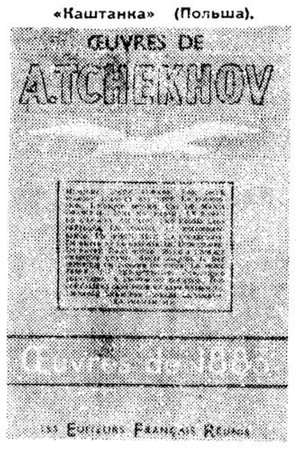
К ЧЕХОВСКИМ ДНЯМ

Издано в 34 странах

«Степь» (Китай).

«Каштанка» (Польша).

Бернард Шоу в предисловии к своей пьесе «Дом, где разбиваются сердца» с восхищением говорит о Чехове, о его влиянии и месте в мировой драматургии: «В плеяде великих европейских драматургов — современников Ибсена — Чехов сияет, как звезда первой величины... Уже в пору творческой зрелости я был очарован его драматическими решениями темы никчемности культурных бездельников, не занимающихся созидательным трудом. Под влиянием Чехова я написал пьесу на ту же тему и назвал ее «Дом, где разбиваются сердца» — «фантазия в русском стиле на английские темы». Это не самая худшая из моих пьес, и, надеюсь, она будет принята моими русскими друзьями, как знак безусловно искреннего преклонения перед одним из величайших среди их великих поэтов-драматургов».

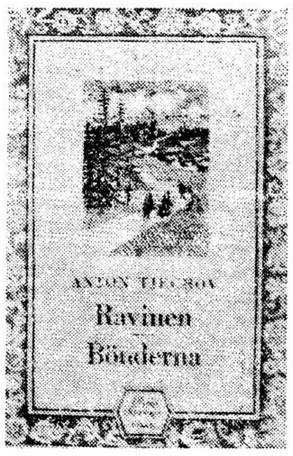


Первый том собрания сочинений (Франция).

Это — одно из многих свидетельств всемирной славы Чехова и его значения для мировой литературы. Произведения великого русского писателя начали издаваться за рубежом еще в конце прошлого века. По неполным данным, они выходят в 34 странах, даже в таких отдаленных, как Египет, Мексика, Куба, переведены не только на все основные европейские языки, но и на арабский, персидский, португальский, исландский. Об этом рассказывает открывшаяся недавно во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы экспозиция, посвященная А. П. Чехову. Здесь выставлены издания прошлых лет и последнего времени. Особенно много книг выпущено за эти годы в странах демократического лагеря.

«Рассказ неизвестного человека» (Аргентина).

Неоднократно выходили произведения писателя в Китае. По утверждению Лу Синя, Чехов принадлежит к наиболее известным в Китае иностранным писателям. Лу Синь сам переводил его рассказы и, в частности, рассказ «Лев и солнце», запрещенный гоминдановской цензурой. Когда позднее Лу Синю все же удалось издать сборник рассказов Чехова, куда вошел запрещенный рассказ, он сопроводил этот сборник своим послесловием, в котором говорил, что слова «Проверено книжным и журнальным цензурным комитетом отдела пропаганды при ЦК гоминдана», стоящие на журналах и книгах, являются знаком, затыкающим рот народу. «Этот орган,— писал Лу Синь,— цензуровал, запрещал и конфисковал наши переводы и статьи... Запрещение рассказа «Лев и солнце» было одним из очередных темных делишек так называемого цензурного комитета отдела пропаганды гоминдана».



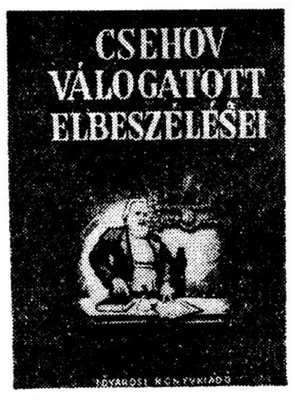
Рассказы (Швеция).

В библиотеке составляется библиография зарубежных изданий А. П. Чехова. Задача эта оказалась сложной ввиду обилия изданий, а также и потому, что нередко переводчики произвольно изменяют заглавия произведений писателя.

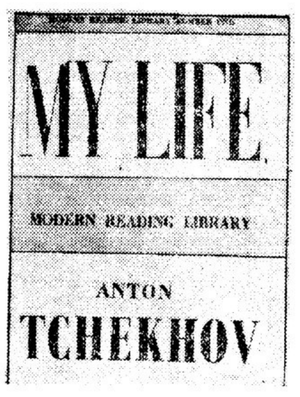
Ежегодно в нескольких странах появляются новые чеховские спектакли, выходят его произведения в новых переводах. Особенно богатым будет в этом смысле текущий год. Во Франции, например, издается собрание сочинений писателя. Уже вышло в свет четыре тома. Одно из крупнейших итальянских издательств — «Казини» — выпустило большой сборник рассказов. В США издан том драматургических произведений и т. п.

Повести (Германская Демократическая Республика).

В связи с памятной датой многие театры включили в свой репертуар чеховские пьесы. Так, молодежный художественный театр в Пекине ставит пьесу «Дядя Ваня». Шанхайский художественный театр покажет пьесу «Медведь». В голландском театре «Нидерландская комедия» пойдут «Три сестры», в Париже, в театре Эберто, показана недавно премьера «Чайки». Молодой рабочий театр в Сан-Франциско репетирует пьесу «Медведь». В Швеции, Италии, Австрии и других странах почти все чеховские пьесы включены в программы радиопередач.



Избранные рассказы (Венгрия).



«Моя жизнь» (Англия).

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Овечкина В. В. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в области художественной литературы, в связи с пятидесятилетием со дня рождения, наградить писателя **Овечкина** Валентина Владимировича орденом **Трудового Красного Знамени.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПЕГОВ.

МОСКВА, Кремль. 10 июля 1954 г.

НА ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ

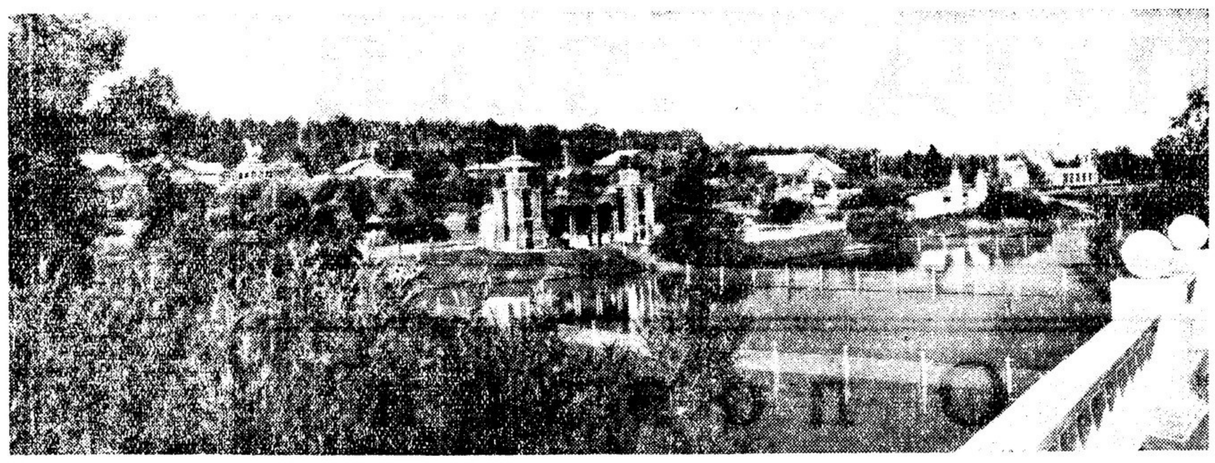
В густой зелени утопает вся огромная территория Всесоюзной сельскохозяйственной выставки — от Ярославского шоссе до Главного ботанического сада Академии наук СССР.

Вот один из ее живописнейших уголков. Его часто называют городком птицеводства.

Городок быстро заселяется: сюда со всех концов страны присылают самые продуктивные экземпляры домашней птицы. Они занимают помещение белоснежного павильона, на крыше которого высится большая фигура петуха. А перед павильоном раскинулись чистые, прохладные пруды.

Вдали виден зеленый массив Главного ботанического сада.

Фото Н. Грановского



ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Самогонщики из Старых Алгашей

Я родом из села Старые Алгаши, Богдашкинского района, Ульяновской области. Старые Алгаши — большое чувашское село. В нем расположены четыре колхоза, которые по праву считаются лучшими в районе. Один из этих колхозов — «Труд» — в прошлом году построил замечательный клуб на 400 мест, приобрел электросиловую установку. Кроме того, в Старых Алгашах есть еще один клуб, библиотека с читальным залом; в 1953 году в селе открыта средняя школа. Навсегда ушли в прошлое нищета и бесправие чувашского народа. Культура прочно вошла в быт моего родного села

Я долго не был в нем. И вот недавно мне пришлось там побывать...

Телеграмма из Старых Алгашей извещала о внезапной смерти одного из моих братьев. Ему исполнилось всего 34 года. Почему же он умер? По свидетельству врача районной больницы он умер от паралича сердца из-за отравления алкоголем.

Смерть брата — большое несчастье, но не только поэтому решил я написать это письмо,— письмом брата не вернешь! Я пишу потому, что настало время объявить беспощадную борьбу серьезному злу, которое темнит светлую жизнь моих односельчан,— самогоноварению. Я прожил в Старых Алгашах на этот раз немногим более месяца, и за это время по Богдашкинскому району было зарегистрировано еще четыре смертельных исхода по той же причине. А сколько других тяжелых последствий связано с этим злом?

Советский закон категорически запрещает самогоноварение. Как же могло случиться, что в Старых Алгашах и некоторых других селах гонят самогон во многих дворах, иногда даже и на полевых станах колхозов? Как могло случиться, что в селах появились спекулянты-самогонщики, такие, как Анастасия Рдюкова, которая на протяжении нескольких лет и по настоящее время безнаказанно занимается самогоноварением и спекуляцией самогонкой?

Как осложняет и оскверняет самогон производственную и личную жизнь колхозников, сколько семейных драм он вызывает! Как пагубно отражается на положении женщины, на воспитании детей!

При правильной организации воспитательной работы среди населения можно успешно бороться с этим злом. А для этого и в самом селе Старые Алгаши достаточно сил и средств: скажу только, что в селе есть пять партийных организаций!

Как же можно оправдать то, что и в селе и в районе примирились с самогоноварением, не ведут борьбу с пьянством?

Петр МИГУШОВ

◇ ◇ ◇

ОТ РЕДАКЦИИ. Проверка подтвердила факты, изложенные в письме П. Мигушова. Когда наш корреспондент на обратном пути из села рассказал следователю районной прокуратуры тов. Шауро, что в Старых Алгашах широко и безнаказанно гонят «ханжу»—низкосортную разновидность самогона, — тот пожал плечами: «Стоило забираться в такую даль, достаточно было спросить у нас в райцентре. Это всем известно!». И добавил, что самогоноварением в Богдашкинском районе занимаются во многих селах,—это здесь не считается каким-то грехом, а скорее «традицией».

Обычно, когда трактористы МТС приступают в том или ином колхозе к полевым работам, председатель артели считает долгом гостеприимства устроить попойку. Из колхозного зерна ведрами гонят «ханжу» и гуляют всю ночь.

Подобный случай произошел в Старых Алгашах в день приезда корреспондента. В этот день органы милиции конфисковали у одной колхозницы три ведра «ханжи» и аппаратуру. В селе говорят, что председатель колхоза «Правда» тов. Рахманов поручил ей наварить самогона для угощения трактористов.

Особенно бойко торговля самогоном идет по праздникам. Об этом тоже хорошо знают в районном центре, знает об этом и секретарь Богдашкинского райкома КПСС тов. Курылев.

Как же борются с самогоноварением в районе и области? После смерти А. М. Мигушова его родственники обратились в районную прокуратуру с просьбой привлечь к ответственности А. Рдюкову, у которой он купил самогон и в доме у которой умер.

«Мы не можем установить, — говорится в заявлении, — степень виновности А. Рдюковой в смерти Мигушова, но нам известно, что она на протяжении ряда лет и по настоящее время с целью наживы занимается самогоноварением и спекуляцией самогонкой... Мы просим прокуратуру привлечь А. Рдюкову к судебной ответственности за самогоноварение, спекуляцию самогонкой и за смерть Мигушова А. М., так как случаи отравления самогоном в доме у А. Рдюковой были и раньше.

Кроме того, такое поведение Рдюковой А. отрицательно сказывается на трудовой дисциплине колхозников, сама она участие в колхозных работах принимает от случая к случаю, а в зимнее время вообще не работает. Это вызывает законное возмущение со стороны честных людей».

Но районная прокуратура так и не привлекла Рдюкову к уголовной ответственности.

Председатель райисполкома тов. Заволжский заявил корреспонденту, что вопрос о борьбе с самогоноварением на исполкоме ни разу не ставился. Когда разговор коснулся смертных случаев на почве отравления алкоголем, тов. Заволжский глубокомысленно заметил: «Пить не умеют — пьют и не закусывают»...

Необходимо отметить, что заместитель председателя Ульяновского облисполкома тов. Кохова работает здесь уже четыре года, но о самогоноварении она... ничего не слышала. Она, по ее словам, бывала и в Старых Алгашах, однако ей «и в голову не приходило», что там гонят «ханжу».

Таковы ответы некоторых районных и областных руководителей на один и тот же вопрос. Из ответов этих явствует, что о серьезной и решительной борьбе с самогоном в районах Ульяновской области в настоящее время говорить не приходится.

Но дело здесь, понятно, не в одних лишь административных мерах. Беда в том, что за последние годы притупилась **сила общественного осуждения** пьяниц и самогонщиков, ослабла **воспитательная работа.** Что сделали в Старых Алгашах учителя, врачи, агрономы, зоотехники, библиотекари, клубные работники для борьбы с этим злом? К сожалению, очень немногое. И это большая вина тех сельских интеллигентов, которые забыли о своей почетной обязанности — активно участвовать в коммунистическом переустройстве деревенского быта.

Сельская интеллигенция может серьезно помочь своим односельчанам в борьбе с пьянством и самогоноварением. Это ее долг! Личным примером, активной пропагандой, горячим словом должна воевать интеллигенция с «зеленым змием». Воевать с такой же страстью и пониманием общественной значимости этой борьбы, как воевал Владимир Маяковский:

Чтоб хозяйство твое
не скрутил самогон,
чтоб отрава
в гроб не свела,—
самогонщиков
из деревни
вон!
Вон из хутора!
Вон из села!
Комсомолец!
Крестьянин!
Крестьянка!
Эй!
Жить чтоб
жизнью сытой
и вольной,
бей зеленого книгой!
Учением бей!
Хвост зажми ему
дверью школьной!
Изгоняй, кто поит,
выгоняй, кто пьет!
Это — гниль!
Нужна кому она?!
Только тот,
кто здоров, —
крестьянству оплот.
Трезвым мозгом сильна коммуна.

Навстречу Второму всесоюзному съезду советских писателей

В писательских организациях

В Марийской АССР

Двадцать лет назад, когда собрался Первый съезд советских писателей, марийская литература была представлена творчеством трех-четырех литераторов. Ныне в ней активно действуют свыше 20 писателей.

Заслуженным уважением марийского народа пользуются произведения основоположника марийской литературы М. Шкетана, драматургов С. Николаева, А. Волкова, Я. Ыывана, прозаиков Д. Орая, Н. Ильякова, Н. Лекайна, поэтов М. Казакова, С. Вишневского и других. Многие произведения марийских писателей стали известны широкому кругу советских читателей.

Состоявшееся недавно отчетно-выборное собрание писателей республики должно было подвести итоги развития марийской советской литературы, подвергнуть принципиальной критике недостатки в творчестве отдельных литераторов и в работе своей писательской организации. Но собрание готовилось плохо. Отчетный доклад даже не обсуждался на заседании правления. В докладе не были вскрыты с достаточной глубиной недостатки в работе правления ССП республики.

На собрании почти не было серьезных выступлений, посвященных насущным вопросам развития марийской литературы. Многие выступавшие либо повторяли сказанное докладчиком, либо сводили личные счеты, как это сделали поэты В. Чалай и М. Майн. Совершенно не выступали работающие в республике русские писатели, о которых, кстати, в отчетном докладе не было сказано ни слова.

Участники собрания вправе были ожидать от представителей правления ССП СССР активного участия в обсуждении творческих вопросов. Однако Г. Березко ограничился приветствием от имени секретариата ССП СССР. Не удовлетворило собравшихся и выступление С. Поделкова. Решив «защитить» марийскую поэзию от «резкой критики», от «нападок», которые, по его мнению, имели место на собрании, С. Поделков фактически пытался свести на нет критику, раздававшуюся на собрании в адрес многих поэтов.

Собрание признало работу правления Союза писателей республики удовлетворительной. Избраны новый состав правления, ревизионная комиссия и делегаты на Второй всесоюзный съезд писателей. Секретарем правления ССП Марийской АССР избран С. Вишневский.

В работе собрания приняли участие представители писательских организаций Татарии, Чувашии и Мордовии.

А. ДМИТРИЕВСКИЙ

ЙОШКАР-ОЛА

В Удмуртской АССР

На днях закончилось отчетно-выборное собрание писателей Удмуртии. С докладом о состоянии и задачах удмуртской художественной литературы выступил председатель правления ССП Удмуртии А. Бутолин.

За последние годы, сказал докладчик, появились новые произведения удмуртских писателей: первая книга романа М. Петрова «Перед рассветом», повесть М. Воронцова «Красный платок», книга рассказов Г. Красильникова «Обыкновенный день» и др. Но удмуртская литература еще в большом долгу перед читателем. Писатели республики не создали крупных произведений о рабочем классе Советской Удмуртии, о жизни современной колхозной деревни. Слаба идейно-воспитательная работа среди писателей. Этим объясняется появление таких идейно неверных произведений, как пьеса В. Садовникова «Родня» и рассказ Г. Красильникова «Женское сердце».

Некоторые писатели и историки неверно оценивали литературное наследство, освещали историю Удмуртии в отрыве от истории великого русского народа. Следы национальной ограниченности проявились в некоторых пьесах И. Гаврилова.

Участники собрания отмечали, что писательская организация республики небольшая, и растет она медленно. Сейчас в ней 17 членов и кандидатов, притом добрая половина их работает недостаточно активно. Давно уже читатель не видит произведений А. Волкова, А. Писарева, А. Клабукова, А. Бутолина.

Критики, работающие в республике, недостаточно требовательны; их статьям и рецензиям не хватает обстоятельного анализа художественного мастерства и языка писателя.

Удмуртский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и фольклора уже несколько лет готовит исторический обзор удмуртской литературы, но до сих пор этот важный труд не закончен.

Удмуртские писатели высказали упрек в адрес правления ССП СССР. Помощь с его стороны, в частности в переводческой работе, была недостаточной.

Собрание признало работу правления удовлетворительной. Председателем правления ССП Удмуртии избран А. Бутолин.

В работе собрания приняли участие представители Москвы, Татарии, Чувашии, Коми АССР и Кировской области. От имени президиума ССП СССР выступил Н. Ушаков.

Т. АРХИПОВ

ИЖЕВСК

ВАРВАРСТВО

Молодой аспирант занимался под высокими сводами библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде. Здесь всегда стоит торжественная тишина, здесь боятся чересчур громко прошуршать перелистываемой страницей.

...Но не будем тратить времени на описания, а приступим сразу к чтению приказа директора библиотеки академии:

«Установлено, что в течение ряда дней читатель Чернушкин Г. Н., аспирант Института механизации сельского хозяйства, занимаясь в читальном зале библиотеки Академии наук СССР, преступно нарушая библиотечные правила, производил вырезки отдельных страниц из иностранных журналов, в результате чего испорченными читателем Чернушкиным Г. Н. оказались 13 журналов...

За недопустимое нарушение библиотечных правил и за совершенное преступление лишить читателя Чернушкина Г. Н. права пользования библиотекой Академии наук СССР.

Копию приказа направить в Государственную Публичную библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Сообщить о совершенном проступке директору и общественным организациям Института механизации сельского хозяйства.

Дело на читателя Чернушкина Г. Н. передать в прокуратуру».

Можно легко представить себе, с каким волнением, с каким трепетом должен работать молодой аспирант в читальных залах академической библиотеки, где трудились многие и многие поколения замечательных русских ученых. И молодой аспирант действительно трепетал. Но не от того, что удостоился чести заниматься в этих залах, а из боязни попасться в тот момент, когда лезвием бритвы варварски вырезал страницы из журналов. Вдруг заметят?

Неужели этот человек действительно окончил высшую школу с отличием, как он об этом писал в объяснительном письме? Как же он умудрился, приобретя какие-то знания, остаться невежественным, диким человеком в области культуры?

«Этот поступок был сделан мной без какой-либо специальной цели. Ни в то время, ни теперь я не могу найти серьезного объяснения тех мотивов, которые толкнули меня на такой поступок», — пишет Г. Чернушкин в объяснительном письме. Нет, не может быть, чтобы без всяких причин! Обязательно был какой-то свой, личный интерес, но такой мелкий, что о нем и писать стыдно. И этот мелкий, ничтожный интерес был поставлен выше государственного, народного.

Библиотека Академии наук СССР собрала в своих стенах ценнейшие книжные сокровища. Эти книжные сокровища, конечно, охраняются. Но они должны пуще всего охраняться совестью самих читателей, которым государство наше щедро предоставляет возможность пользоваться книгами, наукой.

В Ленинградской государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина почти в то же время был опубликован приказ, в котором сказано:

«За последнее время установлено несколько случаев грубого нарушения читателями правил пользования библиотекой.

Так, например, читатель Кацман А. И. (ст. преподаватель Театрального института) 4 апреля с. г. в зале журнального фонда извлекал из журнала «Театр и драматургия» иллюстрации в красках.

25 апреля читательница Подъячева Т. С. (преподаватель Высших торговых курсов) при чтении журналов подчеркивала текст чернилами.

30 апреля читательница Козловская С. Д. (студентка 4-го курса 1-го Ленинградского педагогического института иностранных языков) была задержана при выходе с вырванными из библиотечной книги листами.

14 мая читатель Кофт Е. Е. (студент 3-го курса Ленинградского инженерно-строительного института) вырезал из журнала «Новое время» одну статью...»

Понадобились иллюстрации из журнала — старший преподаватель Театрального института приходит в Государственную библиотеку и тайком, воровски, вырезает нужные ему иллюстрации. Другие читатели обойдутся. Студентка педагогического института, будущая воспитательница детей, вырывает страницы из библиотечной книги. Ведь эти страницы ей нужны. А переписать лень. Правда, они могут понадобиться еще кому-нибудь, но ей до этого нет дела. Как нет дела этой студентке и до того, что Ленинградская государственная публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина является народной гордостью, что таких библиотек в мире считанные единицы. Какое варварское, дикое отношение к книге — основе знаний и культуры!

Таких «читателей» в наших библиотеках — единицы. Но они есть, и их нужно привлекать к суровой ответственности и беспощадно клеймить общественным презрением!

М. ПАНИЧ

ЛЕНИНГРАД

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Литературный вечер, посвященный предстоящему Второму всесоюзному съезду писателей, состоялся в колхозе имени С. М. Кирова Кстовского района, Горьковской области. После доклада о советской литературе поэты и прозаики гор. Горького читали свои произведения.

Горьковское отделение Союза советских писателей проведет еще несколько литературных вечеров в колхозах и машинно-тракторных станциях области.

А. АНАСТАСЬЕВ

О любимом театре

В ожидании нового спектакля Московского Художественного театра всегда испытываешь такое же чувство, какое возникает перед выходом нового романа любимого писателя. Ждешь духовного открытия, волнуешься, угадывая, какие человеческие судьбы пройдут перед тобою, какую мысль унесешь из театра. И за это ожидание, за то, что оно так часто не было обманутым, прощаешь театру его медлительность, не упрекаешь за неудачу; веришь—за неудачей появится спектакль, который оставит в памяти глубокий след.

В одном из писем к Чехову Горький сравнивал Художественный театр с архитектурой храма Василия Блаженного, с Третьяковской галереей, со всем лучшим, что создано русской культурой за многие века. Своей более чем пятидесятилетней творческой работой МХАТ доказал верность и глубину этого суждения. Мы видим в нем национальную гордость, образец советского театрального искусства, по справедливости считаем его лучшим нашим театром, которому нет равных по силе и богатству труппы, по высочайшей культуре сценической работы. В репертуаре Художественного театра живут и доставляют нам радость великолепные творения, исполненные высокой идеи и всепобеждающей правды реалистического искусства. Среди них и поставленные более полувека назад «На дне» М. Горького, «Вишневый сад» А. Чехова и спектакли, созданные в советское время,— «Горячее сердце» А. Островского, «Враги» М. Горького, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Анна Каренина» Л. Толстого, «Глубокая разведка» А. Крона, «Чужая тень» К. Симонова, «Плоды просвещения» Л. Толстого.

Лучшие мхатовские спектакли принесли Художественному театру славу и горячую любовь советских зрителей. И если в течение последних сезонов театр испытывает серьезные творческие затруднения, это не может не вызвать у нас тревоги.

«Плоды просвещения» были поставлены около трех лет назад. С тех пор театр показал пять новых работ: «Залп Авроры», «Ломоносов», «Дачники», «Ангел-хранитель из Небраски», «За власть Советов».

Нельзя не порадоваться тому, что лучший наш театр вновь обратился к Горькому, решил показать события Великого Октября и Великой Отечественной войны, поставил свое искусство на службу обличения американской реакции.

Однако тематика спектакля — это лишь одна сторона дела; какими художественными средствами, с какой мерой совершенства воплотил театр жизнь,—вот что не менее важно. А когда мы говорим о Художественном театре, то мера эта должна быть очень высокой, потому что, кому много дано, с того много и спросится...

И вот, восстанавливая в памяти мхатовские спектакли последних лет, видишь, что среди них есть более и менее удачные, но нет такого, который бы явился художественным событием, стал бы в центре сезона.

Многого ждали от «Дачников». Те, кто любит Художественный театр и верит в него, надеялись, что постановка замечательной пьесы, не шедшей ранее на мхатовской сцене, продолжит и творчески обогатит линию «Мещан», «На дне», «Врагов», откроет новую страницу в жизни горьковской драматургии в Художественном театре. Надежды не оправдались. Несмотря на ряд актерских удач, спектакль не взволновал зрителей. Бытовые картины дачной жизни, которые оказались в центре внимания режиссеров, не поднялись до символа, театр обытовил пьесу Горького, ему не удалось выразить острый конфликт между «дачниками» в жизни — мещанами и обывателями — и людьми дела, людьми передовой мысли. Выступление Власа, Марии Львовны против Басова, Суслова, Шалимова не выросло до революционного протеста, до столкновения общественно враждебных сил. И спектакль спокойно стал в ряд так называемых «проходных».

Произошло это, думается, потому, что на этот раз усилия режиссеров и актеров создать на сцене правдивые картины жизни не были подчинены (говоря словами Станиславского) сверхзадаче, не были освещены большой идеей горьковской пьесы. Но еще обиднее, как мне кажется, другое. Некоторые мхатовские спектакли заставляют думать, что театр порой отказывается от самого дорогого в своем искусстве: будто неинтересна стала артистам Художественного театра психология героя, будто утратил он высокую правду человеческого переживания и мужественную простоту своего искусства. Так, совсем не по-мхатовски поставлен «Ломоносов», спектакль, за театральной помпезностью которого теряется человек, его духовный мир. Так чуждым искусству Художественного театра кажется мне крен в сторону иллюстративности, который с очевидностью наметился в спектаклях «Залп «Авроры» и «За власть Советов».

Было бы неверно возражать против желания Художественного театра расширить творческие рамки своего искусства, обратиться к такому жанру, как драматическая хроника, хотя, конечно, жалеешь, что театр не работает там, где он сильнее всего и где зрители именно от него ждут больше всего: в передаче внутреннего мира современников, в драме, глубоко раскрывающей психологию героев.

«Залп «Авроры» М. Большинцова и М. Чиаурели — это хроника, причем хроника, драматургически весьма слабая, состоящая из отдельных эпизодов времен подготовки Октябрьского штурма. Интересно смотреть этот спектакль, интересно потому, что в нем воссоздаются картины революции. Такой спектакль нужен, нужен в особенности нашей молодежи, ибо героические картины революционной поры воспитывают зрителей, имеют большую познавательную ценность. В спектакле есть отлично сыгранные эпизоды и эпизодические роли, превосходно оформленные и поставленные массовые сцены. Аплодисменты зрителей вызывают волнующая встреча Ленина с питерскими рабочими и моряками у Финляндского вокзала, проводы революционных бойцов на штурм Зимнего.

И все же при некоторых несомненных достоинствах этого спектакля возникает вопрос: почему Художественный театр, так требовательно относящийся к драматургии, признающий драматическим произведением только ту пьесу, в которой, говоря словами Станиславского, раскрывается «жизнь человеческого духа», поставил хроникальный, иллюстративный спектакль, где народ — движущая сила истории — выглядит безликой массой, где нет внутренней жизни героев, где так многое напоминает отлично выполненные живые картины?

«...прежде всего,—говорил Станиславский около тридцати лет назад, — надо показать, что сделала революция в человеке. Мало показать на сцене революцию через толпы народа, идущие с флагами, надо показать революцию через душу человека». Этот завет основателя театра не выполнили его ученики, работая над спектаклем, посвященным Октябрьским дням.

Разумеется, недостатки последних работ театра, и в том числе грех иллюстративности, идут прежде всего от драматургии этих вещей. Но ведь высокая, бескомпромиссная требовательность к драматургии, тщательный отбор пьес и неустанная — художественная и педагогическая — работа с писателем составляют один из важнейших принципов искусства Художественного театра. Именно поэтому на его сцену редко попадали плохие драматические произведения, именно поэтому многие советские драматурги, пользуясь выражением А. Афиногенова, учились в творческом университете Художественного театра.

Учился в нем и В. Катаев. Надо думать, что творческое общение с Художественным театром, со Станиславским и Немировичем-Данченко помогло ему не только как драматургу, но и как прозаику. К сожалению, в последней драматической работе — инсценировке романа «За власть Советов» — писатель пошел по пути механического переложения своего романа в пьесу, а театр удовлетворился серией сценических иллюстраций к произведению прозы.

Упрек в иллюстративности продиктован вовсе не догматическим требованием единства сюжета. Мы знаем немало произведений с рыхлым сюжетом, пьес и инсценировок, где порой можно поменять местами картины или даже без ущерба целому убрать ту или иную сцену. Конечно, это плохо, конечно, такие вещи появляются в результате недостаточного мастерства и забвения жанровых признаков драматургии. Но если даже при столь существенных недостатках в пьесе есть живые, убедительные своим масштабом, правдой и глубиной характеры, если нам интересно следить за судьбами героев, то мы прощаем писателю его драматургические просчеты. Недавно, например, Московский театр имени Маяковского поставил спектакль «Семья Журбиных» по роману В. Кочетова; в этом спектакле легко обнаружить обычные приметы инсценировки— сюжетную рыхлость, случайность в последовательности картин, незавершенность некоторых образов, но тем не менее мы с нарастающим вниманием следим за развитием действия, ибо нас волнуют судьбы, мысли и чувства главных героев. Есть подобные примеры и в искусстве Художественного театра. Разве можно признать «Анну Каренину» в инсценировке Н. Волкова совершенным драматическим произведением? Конечно, нет. Но в спектакле есть мысль и атмосфера толстовского романа, есть великолепные образы, и он по праву живет долгой и славной жизнью.

Другое в спектакле Художественного театра «За власть Советов», поставленном в минувшем сезоне. Черноиваненко, старший Бачей, Синичкин-Железный, Дружинин, Святослав Марченко — все эти лица романа запомнились нам, как живые, полнокровные люди. Но что сталось с ними в пьесе и спектакле? Почему они так потускнели, превратились в схемы, в плоские тени живых людей? Потому прежде всего, что писатель насильно заставил их перейти из романа в пьесу, не позаботившись о том, как и чем возместить утраченные живые черты, возникающие в романе — в раздумьях героев, в авторских размышлениях о них и свершаемых ими делах, в лирическом строе произведения. В пьесе «За власть Советов» сохранился лишь сюжетный каркас романа, и действующие лица мелькают в эпизодах спектакля, не давая нам возможности сосредоточить внимание на самом важном, самом интересном — на том, что происходит в их душах.

В спектакле Художественного театра (постановка М. Кедрова, режиссеры Н. Горчаков и Г. Герасимов, художник М. Плахова) есть хорошо поставленные сцены (в особенности, сцена в комиссионном магазине), талантливо сыгранные роли. Радует удача молодой артистки В. Калининой, просто и взволнованно сыгравшей Валю Перепелицкую. Мы видим, как совсем еще девочка в нечеловечески трудных условиях народной борьбы с врагом превращается в активного и самоотверженного солдата, как вместе с первой девичьей любовью пробуждаются в ней огромные душевные силы. В новом, неожиданном свойстве предстало перед нами дарование М. Титовой, играющей в спектакле роль Матрены Терентьевны. Создав правдивый характер обыкновенной советской женщины, артистка в некоторых сценах поднимается до подлинно трагических высот. Хорошо, искренне играют С. Блинников и О. Лабзина супругов Колесничуков, нашел живые краски В. Трошин в роли Цимбала...

Однако, как ни радостны эти удачи, они не делают погоды. Приняв к постановке драматургически слабое произведение, театр не нашел путей углубить его и повторил на сцене недостатки пьесы.

Нельзя не любить всей душой прекрасное, жизнерадостное, многогранное дарование А. Грибова, но в этом спектакле усилия артиста, играющего Гаврика Черноиваненко, не увенчались успехом. По сцене ходит хмурый человек, дает указания, наставляет подчиненных, но нам не раскрывается душа этого стойкого большевика, не понятно, почему такой верой проникнуты к нему советские люди: за поступками Черноиваненко не виден человек огромного духовного богатства, неистребимого оптимизма, ласковой любви к людям, светлого юмора. Лишены живых черт Бачей в исполнении Н. Свободина и капитан Дружинин, которого играет И. Терешин. И просто удивительным на мхатовской сцене кажется Синичкин-Железный (артист Б. Балакин) — настолько риторичен и искусственен этот персонаж.

Отчего так произошло, отчего главные герои оказались в спектакле неудачными? Думается, дело не только в недостатках пьесы и неудачах, от которых не гарантирован ни один актер. Плохо то, что в спектакле слышатся ноты равнодушия, ощущается созерцательность в подходе к теме.

За исключением немногих сцен, нет в нем непосредственной взволнованности, поэтичности, а есть желание талантливых артистов более или менее точно зафиксировать события в одесских катакомбах. Отсюда, повидимому, холодность многих образов, отсюда подчеркнуто бытовая декорация катакомб. И не спасла дело попытка связать разрозненные сцены и придать спектаклю романтическое звучание путем рассказов героев перед занавесом о себе и о событиях. Это нанесло ущерб и без того лишенным плоти героям, а пафос интермедий лишь оттенил приземленный бытовизм основных сцен спектакля.

Иллюстративность противоположна искусству. А в этом спектакле она стала основным принципом.

Вот один лишь пример. Кто не помнит сцену в катакомбах у колодца... «Один раз в колодец залетела снежинка. Валентина протянула руку, и снежинка села на ее ладонь. Это была большая, очень правильная звезда из белых елочек и молоточков. Петя и Валентина наклонились над ней и стали рассматривать ее, как чудо. Она и была чудо: она была «с того света». Она была граненая и вместе с тем мохнатая. По ее мохнатость, в свою очередь, тоже была выгранена с ювелирной тонкостью. Она вся была воплощением зимы. Она включала в себя все составные части блистательной советской зимы, с ледяными кубиками прудов, с кристаллическими коридорами еловых просек, с канителью метели, с синим звоном коньков и круговоротом хоккейного поля, осыпанного звездами фонарей, и с замерзшей рекой, над которой повисли арки и пролеты громадного нового моста, как бы сделанного из тех же, в миллионы раз увеличенных деталей снежин-

Правда безусловная и честная

Чехов не печатал статей по литературным вопросам, избегал публичных выступлений. Однако многочисленные его письма к известным и начинающим литераторам, к издателям, режиссерам и актерам не только раскрывают творческую лабораторию писателя, но и дают яркое представление о его взглядах на литературу.

«...Величайший мастер слова, уничтожающий критик буржуазно-помещичьего общества...»,— писал о Чехове М. И. Калинин. Чехов расценивал литературу, как «дело народное». Продолжая лучшие демократические традиции своих великих предшественников Пушкина и Гоголя, высказывая мысли, во многом близкие Белинскому и Чернышевскому, Чехов был страстным сторонником реалистического направления в русской литературе. «Художественная литература, — писал Чехов, — потому и называется художественной, что рисует жизнь такою, какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда безусловная и честная».

Верность жизненной правде в понимании Чехова означала очень многое. Чехов постоянно говорил о необходимости для литератора глубокого знания жизни, о том, что в создании типических характеров нужно «проходить мимо всего, что имеет временное значение». Настоящий писатель должен раскрывать противоречия жизни, воевать «с уклонениями от нормы». Но при этом, утверждал Чехов, истинный художник всегда ведет читателя к определенной цели, в истинно художественном произведении читатель обязательно чувствует присутствие положительного идеала. Наличие ясной задачи Чехов считал необходимым для писателя: «Если отрицать в творчестве вопрос и намерение, то нужно признать, что художник творит непреднамеренно, без умысла, под влиянием аффекта. Если бы какой-нибудь автор похвастал мне, что он написал повесть без заранее обдуманного намерения, а только по вдохновению, то я назвал бы его сумасшедшим».

Отражение жизни во всей ее сложности и глубине в понимании Чехова несовместимо с рабским копированием, с увлечением бытом, с любованием мелочами, с натурализмом. Продолжая обличительную линию Гоголя и Салтыкова-Щедрина, он решительно отвергал бытописательство. Он говорил о трудности изображения обыкновенной жизни, обыкновенных людей, «низкой» действительности: «Про Сократа легче писать, чем про барышню или кухарку». Трудность заключалась в том, чтобы в обыкновенном, обыденном течении жизни раскрыть ее внутреннее содержание, подняться до широких обобщений. Эпигоны Чехова, стремящиеся подражать его внешним приемам — О. Дымов, П. Сургучев, Е. Чириков и др.,—увлекались бытом, забывали и об обличительном пафосе творчества Чехова и о положительном чеховском идеале, ради которого писатель раскрывал противоречия действительности.

В. Г. Короленко с пренебрежением отзывался о таких чеховских «последователях»: «У Чехова тон был правильный: трагедия мелочей бралась с юмором, сквозь который просвечивало трагическое. Последователи хватаются прямо за трагедию, приподымают мелочи на неподобающую высоту — и выходит фальшь, отсутствие меры, а значит, и художественности».

Отмечая в творчестве некоторых своих современников опасность вырождения реализма в натурализм, Чехов, как и Короленко, видел эту опасность в том, что мелочи заслоняли глубину и сложность противоречий действительности. Именно поэтому он так резко критиковал пьесу И. Леонтьева-Щеглова «Дачный муж».

«Дачный муж»,— писал он,— хочет и смешить, и трагедией пахнуть, и возводить турнюр на высоту серьезного вопроса».

Мещанство, погрязшее в ничтожных бытовых дрязгах, не способное к борьбе за человеческое счастье, лишенное светлых идеалов, было злейшим врагом Чехова. «Мещанскими» называл он и тех писателей, которые «льстят узенькой добродетели» обывателя и в творчестве которых сказывалось тяготение «к идеализации серенькой мещанской среды...». Рассматривая литературу, как дело большого общественного значения, Чехов непримиримо относился к декадентам, осуждал их за уход от действительности, говорил о недолговечности «российских Метерлинков», у которых нет ни будущего, ни прошлого.

Все напыщенное, изломанное, бьющее на эффект и оригинальность, было глубоко враждебно великому реалисту. Так, например, одно из произведений Л. Андреева он расценивал как «нечто претенциозное, неудобопонятное и, повидимому, ненужное...»

Высказываясь против декадентской литературы, Чехов отчетливо понимал смысл всяческих попыток буржуазной беллетристики увести читателя от жизни. Он решительно осуждал романы, которые имеют целью «убаюкать буржуазию в ее золотых снах... Буржуазия очень любит так называемые «положительные» типы и романы с благополучными концами, так как они успокаивают ее на мысли, что можно и капитал наживать и невинность соблюдать, быть зверем и в то же время счастливым».

Не в этом убаюкивании, не в удовлетворении буржуазных вкусов видел Чехов задачу истинного искусства: «Литератор не кондитер, не косметик, не увеселитель; он человек обязанный, законтрактованный сознанием своего долга и совестью», — писал Чехов, требуя от литературы служения народу.

«Вечными или просто хорошими» называл он тех писателей, творчество которых пропитано, «как соком, сознанием цели», в произведениях которых читатель чувствует «кроме жизни, какая есть», «еще ту жизнь, какая должна быть». С величайшим презрением говорил он о тех, «кто искренно думает, что высшие и отдаленные цели человеку нужны так же мало, как корове, что в этих целях «вся наша беда». Уничтожающей иронией звучат слова писателя о подобных людях, которым «остается кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука».

Творчество самого Чехова было действительно «пропитано сознанием цели», стремлением к новой, счастливой жизни, верой в то, что приблизить ее может непримиримая борьба с мещанством, ложью, обывательским равнодушием, властью денег — всеми устоями буржуазного строя.

В искусстве Чехов видел силу, способную воздействовать на читателя, активизировать его. В этом и заключен смысл реализма: «Тогда человек станет лучше, когда вы покажете ему, каков он есть».

Вместе с тем писатель придавал серьезное значение созданию образа положительного героя, способного вдохновить читателя. В положительном герое Чехов видел важнейшее средство донести до читателя идеал писателя, показать человека таким, каким он должен быть. Вот почему он так пристально всматривался в людей, искал в самой окружающей его жизни примеры, достойные подражания. «Если положительные типы, создаваемые литературою, составляют ценный воспитательный материал, то те же самые типы, даваемые самою жизнью, стоят вне всякой цены», — писал он о великом русском путешественнике Н. М. Пржевальском.

Люди «подвига, веры и ясно сознанной цели» составляют, по словам писателя, «самый поэтический и жизнерадостный элемент общества», которому герои, «подвижники нужны, как солнце». В человеке подвига Чехова привлекают «идейность» и «благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки».

Этими взглядами на задачи литературы определялись и высокие требования, которые Чехов предъявлял к писателям, напоминая о необходимости постоянной связи с жизнью.

Вспоминает он, что Матрена лет сорок тому назад была молодой, красивой, веселой... Свадьбу он помнит, а что было после свадьбы — хоть убей, ничего не помнит, кроме разве того, что пил, лежал, дрался. Так и пропали сорок лет.

(Иллюстрация художников Кукрыниксы к рассказу А. П. Чехова «Горе»)

«Гоните поэтов и беллетристов в деревню!.. В четырех стенах живут, а людей видят только в редакциях и в портерных»,— говорил он. Как свидетельствует писатель Н. Д. Телешов, Чехов «всегда говорил, что писателю нельзя сидеть в четырех стенах и вытягивать из себя свои произведения, что необходимо видеть жизнь и людей, слышать подлинные человеческие слова и мысли и обрабатывать, а не выдумывать их».

Деятельность литератора Чехов понимал как непрерывный, упорный труд, без которого самое понятие таланта остается пустым звуком. «Талант познается не только по качеству, но и по количеству им сделанного», — писал он одному из своих корреспондентов. «Конечно, Вы дурно деларете, что ленитесь и мало пишете, — упрекал он другого.— Вы «начинающий» в полном смысле этого слова и не должны под страхом смертной казни забывать, что каждая строка в настоящем составляет капитал будущего».

Работу писателя Чехов рассматривал гораздо шире, чем только литературный труд над рукописью. Литератор должен обладать высокими моральными качествами и постоянно развивать их. Дело величайшей важности — неутомимое самовоспитание писателя, настойчивая работа над собой, которая дает писателю основание и право «воспитывающе влиять» на окружающую его среду.

Только в результате такой работы над собой можно вырасти в людей подлинно «воспитанных», которые «уважают человеческую личность», «чистосердечны и боятся лжи, как огня», «делая на грош,.. не носятся со своей папкой на сто рублей». «Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, не достаточно прочесть только Пикквика и вызубрить монолог из Фауста... Тут нужны беспрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час...».

Эти мысли великого писателя, рассеянные в его многочисленных письмах, поражают своей нестареющей, удивительной глубиной и правдивостью. Они и сейчас звучат, как призыв к борьбе против бескрылого бытописательства, против искусства, оторванного от жизни, против попыток противопоставить правдивость и искренность художника его борьбе за ясно осознанные высокие цели. Они и сейчас учат глубокому уважению к тому труду, который призван создать произведения, нужные народу, — произведения большого, идейного и правдивого искусства.

Е. САХАРОВА

Маленькая трилогия

Три чеховских рассказа «Человек в футляре», «Крыжовник» и «О любви» (1898 г.) составляют своеобразную трилогию. Каждый из трех главных героев — учитель гимназии Буркин, ветеринарный врач Иван Иваныч Чимша-Гималайский, помещик Алехин — рассказывает по истории: один — о своем знакомом человеке в футляре, другой — о своем брате, который решил «запереть себя на всю жизнь в собственную усадьбу», третий — о самом себе, о том, как он проглядел свою любовь и счастье.

Тема «футлярной» жизни может быть в полном смысле слова названа одной из сквозных, центральных тем в творчестве Чехова. Она звучала в рассказе «Учитель словесности» (1894 г.), в котором Никитин описывает бездарного и безличного педагога-чиновника, преподавателя греческого языка (вспомним, что «человек в футляре» преподавал тот же предмет). Сходный образ возникает в одном из чеховских отрывков — «Шульц». Здесь изображен ученик первого класса Костя Шульц. Он шагает в гимназию, а впереди него идет учитель — «в цилиндре и в высоких кожаных калошах, солидных на вид и которые, как кажется, строго и неумолимо скребут по тротуару. Сколько мог взять сапожник за эти калоши, и думал ли он, когда шил их, что они будут так хорошо выражать характер человека, который их теперь носит?..». В этом наброске деталь, рисуя внешний облик персонажа, выразительно намекает на его характер. Примерно в то же время, к которому относят этот отрывок, в 1896 году Чехов записывает в дневнике об одном журналисте, гостившем у него: «М. в сухую погоду ходит в калошах, носит зонтик, чтобы не погибнуть от солнечного удара, боится умываться холодной водой, жалуется на замирание сердца».

Это, казалось бы, простая зарисовка, но в ней есть зерно художественного обобщения. Вскоре в записной книжке Чехова появляется такая запись: «Человек в футляре, в калошах, зонт в чехле, часы в футляре, нож в чехле. Когда лежал в гробу, то, казалось, улыбался: нашел свой идеал». Это уже не дневниковая запись, но гениальный образ.

Интересно, что между двумя этими записями находятся слова Чехова: «Если человек присасывается к делу, ему чуждому, например, к искусству, то он, за невозможностью стать художником, неминуемо становится чиновником. Сколько людей таким образом паразитирует около науки, театра и живописи, надев вицмундиры! То же самое, кому чужда жизнь, кто неспособен к ней, тому больше ничего не остается, как стать чиновником».

Так с разных сторон подходил Чехов к образу не способного к жизни чиновника.

Беликов держит в страхе окружающих людей. В то же время жизнь страшит его самого: «Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге...».

Щедринский Угрюм-Бурчеев не боялся жизни, он был идиотически непреклонен: «Голая решимость — и ничего более». Он лихо командовал, всюду шел вперед по прямой, сметая с лица земли все, что не успевало посторониться, вытягивал в струнку дома и пытался даже «унять» непокорную реку, нарушавшую своим извилистым движением геометрически правильную угрюм-бурчеевскую прямолинейность. Не совладав с рекой, он строит город в другом месте, но страх, кажется, так и не коснулся этого облеченного властью идиота.

«Человек в футляре» принадлежит уже иной эпохе, когда явственней обозначилась историческая обреченность всего самодержавного, угрюм-бурчеевского царства. Непреклонная решимость начинает уступать место страху перед действительностью. В беликовском «футляре» — в одежде, домашней обстановке, ставнях, задвижках — во всем прежде всего чувствуется стремление спрятаться от жизни, уйти, как улитка в скорлупу. Вот почему гроб для него — самый идеальный «футляр».

В отличие от Угрюм-Бурчеева, Беликов — фигура не официальная, не административное лицо. Он добровольно надел на себя футляр. Тем сильнее подчеркивается всеобщность «футляра». Беликов — представитель целого уклада жизни, знамение времени. Учитель Буркин, рассказывающий о нем, с горечью восклицает, что после похорон Беликова лучше не стало. Но сознавая, что Беликов — далеко не исключение, сам Буркин не дает себе отчета в том, насколько знаменателен «человек в футляре», как крепко он связан со всем строем и духом современной ему жизни. Когда Иван Иваныч, желая продолжать начатый разговор, говорит, что вся жизнь, душная, праздная, бессмысленная, — это тоже «футляр», Буркин его не поддерживает и не дает ему рассказать в связи с этим «одну очень поучительную историю». А когда Иван Иваныч произносит знаменательные слова: «Нет, больше жить так невозможно!» — Буркин заявляет, что это уже и вовсе «из другой оперы». В его душе, очевидно, тоже есть кусочек «футляра», мешающий ему глубоко взглянуть на то, о чем он сам рассказал.

Как вообще начался разговор о Беликове? «Рассказывали разные истории. Между прочим, говорили о том, что жена старосты, Мавра, женщина здоровая и не глупая, во всю свою жизнь нигде не была дальше своего родного села, никогда не видела ни города, ни железной дороги, а в последние десять лет все сидела за печью и только по ночам выходила на улицу».

В связи с этой женщиной, которая прожила жизнь, почти не видав жизни, женщиной, обреченной на существование, подходящее скорее для «рака-отшельника или улитки»,—в связи с этим и рассказывает Буркин историю о Беликове. Образ крестьянки Мавры, обреченной на то, чтобы проводить всю свою жизнь в «скорлупе», вносит новый поворот в тему футляра.

В конце рассказа, когда Буркин, прервав Ивана Иваныча, предложил отправиться спать и все затихло, вдруг раздаются чьи-то шаги: туп, туп... «Кто-то ходил недалеко от сарая; пройдет немного и остановится, а через минуту опять: туп, туп...» «— Это Мавра ходит», — говорит Буркин. Только что прервался разговор о футляре, но, кажется, сама жизнь продолжает его, напоминая о Мавре, о деревенской женщине, которая всю свою жизнь ходит, словно на короткой привязи, вокруг одного места: туп, туп... Такова сила чеховского мастерства: ничего не сказано как будто, только слышатся тупые, короткие шаги, но о многом говорят они читателю, они наталкивают его на мысль: темнота и невежество людей из народа — это тоже футляр. Так словно расходятся по воде круги от упавшего камня. Все новые стороны жизни охватываются образом — «человек в футляре». И слова: «Нет, больше жить так невозможно!» — уже звучат, как голос самой жизни.

Что за «поучительную историю» хотел поведать Иван Иваныч в связи с рассказом Буркина? Ей посвящено второе произведение трилогии — «Крыжовник». Оказывается, продолжая начатый разговор, Иван Иваныч намеревался рассказать о человеке, который всю свою жизнь мечтал только об одном — о собственном крыжовнике. Лейтмотив первого рассказа — «больше жить так невозможно!» Главная мысль второго рассказа: «Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

В соответствии с этим и строится весь рассказ. Если своего рода «увертюрой» к разговору о человеке в футляре служил образ Мавры, то здесь уже совсем иное начало; Буркин и Иван Иваныч далеко ушли от села, где остановились в прошлый раз; рассказ открывается пейзажем: «Далеко впереди еле были видны ветряные мельницы села Мироносицкого, справа тянулся и потом исчезал далеко за селом ряд холмов, и оба они знали, что это берег реки, там луга, зеленые изы, усадьбы, и если стать на один из холмов, то оттуда видно такое же громадное поле, телеграф и поезд, который издали похож на ползущую гусеницу, а в ясную погоду оттуда бывает виден даже город». Так с самого начала Чехов словно раздвигает рамки повествования, открывает читателю то, чего так и не увидела бедная Мавра. Казалось бы, совсем обыкновенная житейская подробность: в «Человеке в футляре» действие происходило ночью в сарае, а здесь герои вышли на простор. Но вдумаемся — как подходит этот темный сарай для разговора о Мавре, о Беликове, о «футляре» и как оправдана картина вольного простора для второго рассказа! Поэтическая мысль Чехова обнимает собой простор все шире и шире, и вот уже образ всей родной страны встает перед нами. Не случайно дальше идут слова: «Теперь, в тихую погоду, когда вся природа казалась кроткой и задумчивой, Иван Иваныч и Буркин были проникнуты любовью к этому полю и оба думали о том, как велика, как прекрасна эта страна».

И когда открывается **такая** перспектива, такая глубина видения, маленьким и жалким кажется владелец усадьбы с крыжовником — Николай Иваныч Чимша-Гималайский. Этот образ так же противостоит самой жизни, как и его духовный собрат— человек в футляре. Тот нашел свой идеал в гробу, а об этом Чехов в записной книжке говорит так:

«— Человеку нужно только 3 аршина земли.

— Не человеку, а трупу. Человеку нужен весь земной шар».

Любопытно, что эти слова находятся рядом с записью: «...Когда лежал в гробу, то казалось улыбался: нашел свой идеал».

И Беликов и Чимша-Гималайский — фигуры типические для жизни того времени. И вместе с тем это — существа, обреченные на гибель. Они связываются в сознании писателя с образом смерти.

Знакомясь с черновыми записями к «Крыжовнику», мы снова приближаемся к самому процессу рождения образа. Вначале Чехов, набрасывая вкратце историю покупки имения, пишет: «Через 2—3 года, когда у него рак желудка и подходит смерть, ему подают на тарелке его крыжовник. Он поглядел равнодушие». Затем такой вариант: «Глядя на тарелку с крыж[овником]: вот все, что дала мне в конце концов жизнь». Несколькими страницами ниже: «Крыжовник был кисел: Как глупо, сказал чиновник и умер».

Как видим, во всех этих вариантах чиновнику перед смертью открывалась вся пустота и бессмысленность жизни. Но писатель отказался от такой развязки. В рассказе Чимша-Гималайский уже не чувствует, что крыжовник кисел, не говорит: «Как глупо», он расплывается в самодовольно-счастливой улыбке, чуть не плачет от радости и с наслаждением ест пусть жесткий, пусть кислый, но зато свой, собственный крыжовник. Такая развязка сильнее передает силу собственнического самодовольства. Чимша-Гималайский утратил человеческий облик, даже внешне: «постарел, раздобрел, обрюзг; щеки, нос и губы тянутся вперед,—того и гляди хрюкнет в одеяло». И, может быть, самое страшное в нем—сытость, наглая, ничем не прошибаемая, его утробное равнодушие ко всему, что выходит за пределы его усадьбы.

Равнодушие выступает здесь не просто как черта характера, но как форма человеческого существования, предопределенная собственническим укладом. «Деньги, как водка, делают человека чудаком», — замечает Иван Иваныч и рассказывает о купце, который перед смертью съел все свои деньги с медом, чтобы никому не достались, и еще об одном барышнике, которому ногу поездом отрезало, а он все просил, чтоб ногу отыскали,—там, в сапоге, деньги, двадцать рублей, как бы не пропали. В сопоставлении с этими эпизодами Николай Иваныч уже не кажется каким-то сверхъестественным чудаком, в самой судьбе его начинает проступать закономерность; история с крыжовником предстает, как рассказ о том, что сделали с человеком деньги, собственность, имение. И характерно, что Буркин, более ограниченный, чем Иван Иваныч, не преминул тут снова прервать его: «Это вы уж из другой оперы». Так открывается новая грань в теме «футляра» — это и беликовская боязнь жизни, маниакальная мнительность, и вместе с тем «футляр» — это собственническая сытость, самодовольство.

Глубоко предопределенной, внутренне закономерной оказывается эволюция взглядов Николая Иваныча. Он уже забывает, что отец его — солдат, дед — мужик, говорит: «Мы дворяне», проповедует телесные наказания, считает, что образование хотя и необходимо, но для народа преждевременно. В одной из черновых записей читаем: «Крыж[овник]: от сытости начинается либеральная умеренность». И далее: «Умеренный либерализм: нужна собаке свобода, но все-таки ее нужно на цепи держать».

Решая загадку «футляра», человеческого равнодушия, Чехов с глубочайшей художественной зоркостью видит связь между «сытостью» и «либеральной умеренностью», между положением человека в обществе и его взглядами.

В «Крыжовнике» рассказывается о собственнике, потерявшем облик человеческий; одновременно с этим звучит в произведении тема пробуждения человека. «Но дело не в нем, — говорит Иван Иваныч о брате, — а во мне самом. Я хочу Вам рассказать, какая перемена произошла во мне в эти немногие часы, пока я был в его усадьбе». И далее: «В ту ночь мне стало понятно, как я тоже был доволен и счастлив... Я тоже, за обедом и на охоте, поучал, как жить, как веровать, как управлять народом. Я тоже говорил, что ученье свет, что образование необходимо, но для простых людей пока довольно одной грамоты. Свобода есть благо, говорил я, без нее нельзя, как без воздуха, но надо подождать».

Значит, и в самом Иване Иваныче тоже был кусочек «футляра», частица собственнического самодовольства. Он тоже общими словами, внешне довольно либеральными, в сущности, отгораживался от главного — от мысли, что дальше так жить невозможно. Он тоже терпел весь этот строй и уклад жизни, где счастье одних основано на несчастье других, где «счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут свое бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно», терпел и пользовался благами такого порядка и отделывался ни к чему не обязывающими пожеланиями свободы. Вот чем неназистны были Чехову такие люди, как Лида Волчанинова из «Дома с мезонином»,—они мирились с главным, с общим порядком, основанным на угнетении большинства людей меньшинством, и ограничивались крохоборческими мерами.

Вот с этой-то буржуазной «постепеновщиной», с этим примирением с существующими порядками и порывает теперь Иван Иваныч. И противопоставляет он всему этому лицемерию не уход в демонстративную праздность, не толстовское «опрощение», но призыв изменить весь порядок вещей: «Мне говорят, что не все сразу, всякая идея осуществляется в жизни постепенно, в свое время. Но кто это говорит? Где доказательства, что это справедливо? Вы ссылаетесь на естественный порядок вещей, на законность явлений, но есть ли порядок и законность в том, что я, живой, мыслящий человек, стою надо рвом и жду, когда он зарастет сам, или затянет его илом, в то время как, быть может, я мог бы перескочить через него или построить через него мост? И опять-таки, во имя чего ждать? Ждать, когда нет сил жить, а между тем жить нужно и хочется жить!»

Такова перемена, происшедшая с Иваном Иванычем, душевный переворот, открывший ему глаза на действительность. Герой уже вплотную подошел к убеждению, что назрела необходимость изменить весь существующий строй и порядок жизни.

Третий рассказ — «О любви»—по началу не связывается с первыми двумя. Помещик Алехин говорит о любви, которая так и прошла стороной, ничего не изменив в его жизни. «Куда бы я мог увести ее? — говорит он сам о любимой женщине. — Другое дело, если бы у меня была красивая, интересная жизнь, если б я, например, боролся за освобождение родины, или был знаменитым ученым, артистом, художником, а то ведь из одной обычной, будничной обстановки пришлось бы увлечь ее в другую такую же, или еще более будничную».

А жизнь у Алехина действительно будничная, бескрылая. С утра до вечера он возится в своем имении, нигде не бывает, ничего не видит, — помыться некогда. Выслушав его грустный рассказ о любви, Буркин и Иван Иваныч жалеют, что «этот человек с добрыми, умными глазами, который рассказывал им с таким чистосердечием, в самом деле вертелся здесь, в этом громадном имении, как белка в колесе, а не занимался наукой, или чем-нибудь другим, что делало бы его жизнь более приятной...» Любовь Алехина потерпела поражение потому, что сам он оказался недостоин этой любви. Он пытается оправдать себя, но Чехов его не оправдывает: он судит своего героя за то, что тот спасовал, отступился от любви, подчинился ничтожной жизни.

Маленькая чеховская трилогия несет в себе большую тему отрицания современного писателю собственнического порядка. Мы не найдем здесь прямого призыва к революции, да и вообще речь-то как будто идет лишь о жизни и быте отдельных людей. Но огромная сила этой трилогии в том, что она показывала, как в разных сферах жизни, в самых, казалось бы, далеких от большой политики уголках, зреет мысль: больше так жить невозможно, буржуазный строй несовместим с человечностью, с поэзией, с любовью. Такая жизнь убивает человека, значит, она не имеет права на существование. Рисуя жизнь самых различных людей, заключенных в «футляр», в скорлупу, кружащихся, как белка в колесе, Чехов звал к тому, чтобы разбить «футляр», покончить с жизнью-тюрьмой и вырваться из имений с крыжовником на вольный простор, где человек мог бы проявить все свойства своего свободного духа.

Три человека поведали три истории, звучащие, как отрицание той жизни, которую они продолжают вести. А за этими тремя образами поднимается образ самого писателя, молодого душой, богатого и любовью и ненавистью, произносящего всему этому собственническому миру приговор — суровый и беспощадный.

З. ПАПЕРНЫЙ

ки... Снежинка медленно растаяла. А они все еще продолжали смотреть на каплю, дрожащую на теплой ладони...»

Прекрасное по своей поэтичности, исполненное глубочайшего смысла стихотворение в прозе, о котором так хорошо написал в свое время В. Ермилов.

Автор и театр захотели перенести его на сцену, но не задумались над тем, как передать мысль о «чуде», о «блистательной советской зиме» **театральными средствами,** как создать на сцене, а значит, и в зрительном зале, атмосферу, настроение этого замечательного стрывка. И они пошли по пути примитивной иллюстрации. У колодца в темных катакомбах — Валя, Петя, Раиса Львовна.

Валя. Наверху зима.

Петя. Снегу, небось, намело, ух ты!

Валя. Смотри, снежинка залетела.

Петя. Ух ты, на рукав села. Какая большая. Как под микроскопом.

Валя. Чудо с того света. (Рассматривают снежинку). Растаяла.

Поэтическая снежинка стала в спектакле бытовой деталью... В это время сверху доносятся звуки, выстрелы, и по канату спускается вниз Леонид Цимбал. Слова о снежинке потеряли тот смысл, которым они полны в романе, чудом «с того света» оказался Леня Цимбал, вернувшийся с трудного задания.

Конечно, есть в спектакле иллюстративные сцены и более удачные, выражающие смысл событий. Если б можно было представить себе книгу, где вместо гравюр и литографий будут живые картины, то, читая роман В. Катаева, мы не раз задержали бы свой взгляд на сценах из мхатовского спектакля. Однако это—слабое утешение. Театр, ставя пьесу или инсценировку романа (это все равно!), лишь тогда оправдывает свое назначение, когда выступает самостоятельным художником.

***

И вот вопросы, которые на устах у всех, кто по-настоящему любит МХАТ: почему в течение вот уже нескольких сезонов на мхатовской сцене не появился спектакль о нашей современной жизни, который стал бы вровень с лучшими творениями МХАТ? Почему превосходные артисты, унаследовавшие заветы Станиславского, Немировича-Данченко, Качалова, Москвина, Тарханова, Хмелева, не открывают нам всех богатств своего таланта, не говорят о жизни свое слово, слово больших художников?

Трудно ответить на эти вопросы. Но попытаться сделать это необходимо.

Решающую роль в жизни театра играет репертуар. И мы должны предъявить суровый счет нашим драматургам, которые создали так мало по-настоящему художественных произведений и равнодушно взирали на трудности, которые переживает Художественный театр. Писать для МХАТ — это не только творческая радость, право на которую надо завоевать; это — художественный и общественный долг советских драматических писателей, ибо надо глубоко понять, что от их работы зависит советское театральное искусство и, в частности, искусство Художественного театра.

Но, бросая справедливый упрек нашим драматургам, нельзя не сказать, что театр не должен пассивно ждать появления новых драматических произведений, он призван **строить** свой репертуар, а для этого настойчиво и заинтересованно привлекать к сотворчеству наиболее близких ему писателей, внимательно следить за развитием современной драматургии. Думается, что Художественный театр в известной мере утратил эту черту, эту свою же традицию. Не говоря уже о том, что за многие последние годы он не сумел привлечь к драматургии ни одного нового писателя, руководители МХАТ прошли мимо некоторых пьес, которые, как мне кажется, могли быть с успехом поставлены на мхатовской сцене и —случись это —принесли бы радость не только зрителям, но и артистам. Если говорить о пьесах минувшего сезона, то такими мне представляются «Годы странствий» А. Арбузова, «Вешние воды» Ю. Чепурина, «Опасный спутник» А. Салынского. Конечно, это вовсе не совершенные пьесы, но они близки Художественному театру потому, думается, что населены живыми людьми, что в них верно увидена современная жизнь, что в них есть тот драматический нерв, который так хорошо чувствует Художественный театр.

Пытливые поиски нового в искусстве, острое, органическое чувство самокритики, неудовлетворенность достигнутым, потому что впереди новые художественные задачи, — вот прекрасная традиция Художественного театра, утвержденная Станиславским и Немировичем-Данченко. И очень горько, что традиция эта, столь плодотворная для всего советского искусства, в Художественном театре будто приглохла.

Художественный театр и его главный режиссер М. Кедров много и плодотворно работают над развитием сценической теории Станиславского. Совершают губительную ошибку те, кто подвергает сомнению великое значение «системы» для советского театра, кто усматривает в ней чуть ли не источник стирания художественных индивидуальностей в театре. Реалистическая теория Станиславского, творческий метод Художественного театра — великое завоевание нашей культуры, один из краеугольных камней, на которых строится советское театральное искусство.

Надо пожелать всяческих успехов М. Кедрову и его товарищам в дальнейшем развитии «системы». Но эта теоретическая, лабораторная работа должна быть неотрывна от творческой практики театра — в этом также завет Станиславского.

Трудно представить себе, что режиссеров и артистов МХАТ не тревожит положение театра. Но кажется, что притупилось у них чувство самокритики и появилась «академическая», в плохом смысле этого слова, маститость, уверенность в своей непогрешимости.

И здесь надо говорить еще об одной причине того, почему Художественный театр переживает трудности. Мне кажется, эта причина заключается в том славословии, которое мы так нерасчетливо расточаем по адресу театра.

В самом деле: как откликнулась наша литературная и театральная общественность на трудности, которые испытывает театр, как помогла преодолеть их?

Надо признать, что мы сделали многое для того, чтобы усугубить эти трудности. Мы не хотели обидеть прославленный театр критикой и обидели его равнодушием. Глубоко неправы были, например, А. Фадеев и И. Большаков, стремившиеся на XIV пленуме правления Союза писателей оградить Художественный театр от критики. Именно так создавалась противоестественная в нашем обществе точка зрения, будто критиковать творчество замечательного театра — значит посягать на его славу. Это неверно. Заинтересованное внимание литераторов и деятелей искусства к жизни Художественного театра, готовность, стремление драматургов работать для него, дружеская требовательная критика его работы, наконец, подлинно коллективное художественное руководство в театре — вот что настоятельно необходимо.

Сил у него для этого более чем достаточно. Они не только в великолепных, вечно живых традициях МХАТ, но в тех замечательных своей правдой спектаклях, которые мы видим и сейчас, в совершенном творческом методе, в дарованиях больших художников сцены. А есть еще одна, огромная сила Художественного театра: любовь и уважение советских зрителей к нему, вера в его искусство.

Пожелаем же Художественному театру преодолеть трудности, вставшие на его пути. Место МХАТ — на вышке советского театрального искусства.

ОПРАВДАННАЯ ИРОНИЯ

Недавно французский еженедельник «Карфур» привел следующий эпизод. Один из французских политических деятелей посетил небольшой городок в районе Сомюра. Он разговаривал со многими жителями и, как сообщает «Карфур», убедился в том, что все они решительно протестуют против договора о «европейском оборонительном сообществе». Мэр городка пояснил гостю:

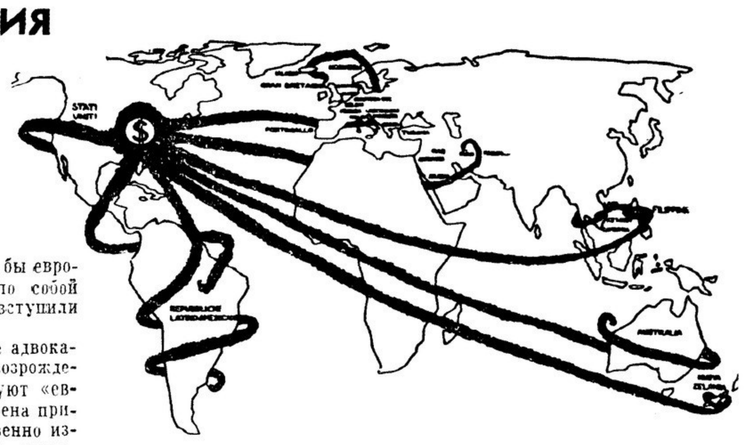
«Понимаете ли вы, у нас рассуждают так: если бы европейское оборонительное сообщество представляло собой что-нибудь стоящее, то англичане уже давно бы вступили в него, а нас — выперли бы вон...»

Оправданная ирония! Известно, что английские адвокаты вермахта, поддерживая американский план возрождения германского милитаризма, широко рекламируют «европейскую армию». Сама Англия, однако, не намерена принять в ней участия. Причину этого весьма откровенно излагает буржуазный английский журнал «Твентис сенчюри». Подчеркивая, что английские военные руководители с самого начала оказывали сопротивление участию в «европейской армии», журнал пишет:

«Им не нравится то, что они слышали о предложениях г-на Плевена (план создания «европейской армии» был первоначально известен под именем «плана Плевена».— **Ред.**), что должен быть совместный набор в вооруженные силы, единая система выплаты жалования, единая военная форма и другие предложения, которые означали бы растворение английской армии в континентальных вооруженных силах. Повидимому, мало кто в такой степени не желает смешиваться с иностранцами, как англичане...».

Итак, другими словами, в Лондоне понимают, что участие в «европейской армии» означало бы «растворение английской армии...», подчинение англичан иностранному, а вернее, американо-боннскому командованию. Та же участь, впрочем, ожидает и французскую армию в случае ратификации договора о «европейском оборонительном сообществе».

Почему же французов уговаривают согласиться на это? Не по старой ли привычке «таскать каштаны из огня чужими руками»?



Словно спрут щупальцами, стремится Вашингтон опутать весь мир своими военными договорами. Для нашей страны наиболее опасным из них является договор о «европейском оборонительном сообществе».

Рисунок и текст из итальянского журнала «Ноп донне».

С. МАРШАК

От ворот поворот!

Швейцария не разрешила въезд в страну членам американской комиссии по «проверке лойяльности», намеревавшимся «расследовать» деятельность работников ООН в Женеве.

(Из газет).

Глава комиссии по чистке
Влюблен в свой промысел, как в спорт.
И, говорят, побил он в сыске
Всех прежних сыщиков рекорд.

В Женеву, несмотря на дальность,
Подручного отправил он,
Проверить, так сказать, лойяльность
Сограждан, служащих в ООН.

Свое покинув полушарие,
Летит подручный на Восток,
Но узнает: пред ним Швейцария
Закрыла двери на замок.

И телеграмму распечатав,
Он поворачивает вспять,
Чтобы лойяльность проверять
Внутри Соединенных Штатов.

◇ ◇ ◇

Демонстрация юных сторонников мира в Австрии.

Снимок из американского журнала «Нью-Йорк таймс магазин»

Трезвый голос французского журналиста

Французская общественность решительно осуждает политику тех кругов, которые препятствуют быстрому урегулированию индо-китайской проблемы и стремятся создать условия для расширения войны в Азии.

Как известно, американская делегация продолжает ставить рогатки на пути к соглашению о прекращении огня в Индо-Китае. К тому же направлены и попытки определенных кругов ограничить сферу обсуждения на Женевском совещании лишь чисто военными вопросами, оставив в стороне всякие политические проблемы мирного урегулирования.

Недавно во французском еженедельнике «Франс-обсерватер» появилась статья, автор которой, Поль Россель, подчеркивает, что «реалистическое рассмотрение ситуации, сложившейся во Вьетнаме, показывает, что трудно придти к соглашению по военным вопросам без того, чтобы предварительно не были выяснены основные политические проблемы». «Нельзя надеяться на достижение мира без глубокого изучения политических проблем», — пишет он.

Поль Россель побывал в Женеве и изучил материалы Женевского совещания. Его выводы основаны на убеждении, что делегация Вьетнамской Демократической Республики, предлагая одновременное обсуждение и военных и политических вопросов, тесно связанных друг с другом, поступает правильно, ибо только так можно договориться о надежном и прочном мире.

Россель указывает, что правительство Ланьеля—Бидо уклонялось от переговоров о мире в Женеве, думая лишь о том, чтобы «согласиться только на неустойчивую военную передышку... подготовить в рамках задуманного Даллесом пакта для Юго-Восточной Азии возобновление военных действий и гарантировать политическое существование баодаевского режима»... По его мнению, «подготовить перемирие — это значит выяснить политические условия прекращения огня». И Россель подчеркивает: «Этого не могут понять только те, кто хочет затянуть войну, те, кто не хочет мира».

Американская пропаганда, как известно, утверждает, что Франция якобы предоставила «независимость» Вьетнаму путем заключения соглашения с Бао-Даем. Россель высмеивает эти утверждения: «Баодаевское государство,—пишет он,— не существует. Оно — не что иное, как тень экспедиционного корпуса... Сама Америка не в силах дать этой тени плоть и кровь, она может только сделать эту тень более густой». Поддерживать такое правительство, по мнению Росселя, значит продолжать колонизаторскую политику, попрежнему лишать независимости народ Вьетнама.

Американская политика ведения переговоров...

Рисунок из венгерской газеты «Сабад неп»

К какому же конечному выводу приходит Россель? Перед Францией, пишет он, стоит дилемма: «Либо вступить на путь общих переговоров, сочетая политические и военные проблемы, либо, настаивая на обсуждении чисто военных проблем, способствовать возобновлению войны под американским руководством».

Д. ВИСОВА

ВОСЬМОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ В КАРЛОВЫХ ВАРАХ

На улицах Праги — плакаты, изображающие земной шар, перепоясанный кинолентой, плакаты в честь восьмого Международного кинофестиваля, который открылся 11 июля в Карловых Варах. Девиз кинофестиваля — «За мир, за дружбу народов, за благородные стремления человечества!»

На фестивале будет показано 46 полнометражных фильмов и 93 короткометражных. В Карловы Вары съехались сотни деятелей киноискусства из многих стран: из Австрии, Албании, Англии, Болгарии, Бельгии, Боливии, Бразилии, Венгрии, Вьетнама, Германской Демократической Республики, Западной Германии, Голландии, Дании, Египта, Израиля, Индии, Индонезии, Ирана, Италии, Китая, Мексики, Пакистана, Перу, Польши, Румынии, СССР, Швейцарии, Швеции, Чехословакии, Финляндии, Франции, Чили и Японии.

Советская кинематография представлена фильмами «Верные друзья», «Школа мужества» и «Об этом забывать нельзя», короткометражными фильмами «За мир и дружбу!», «Лев Толстой», «На полях Кубани» и «Фитоциды».

Фестиваль будет продолжаться две недели. Лучшим из фильмов будут присуждены следующие премии: Большая премия за полнометражный художественный фильм, Премия мира — за фильм, который наилучшим образом выразит идею борьбы за мир, Премия дружбы между народами, Премия борьбы за социальный прогресс, Премия труда — за картину, прославляющую труд. Кроме того, одиннадцать премий будут присуждены лучшим жанровым фильмам — документальным, научно-популярным, мультипликационным и другим.

НЕМЦЕВ, КОТОРЫЕ НЕНАВИДЯТ ВОЙНУ, КУДА БОЛЬШЕ, ЧЕМ ДУМАЮТ В БОННЕ

К ИСТОРИИ КНИГИ «08/15»

Широкие слои западногерманского населения все отчетливее ощущают нависшую над ними угрозу кровавой военной авантюры, замышляемой боннскими реваншистами под опекой американских агрессоров.

Подобные настроения представляют серьезную опасность для политики боннских правящих кругов, стремящихся ускоренными темпами осуществить перевооружение Западной Германии. Именно поэтому боннская верхушка всячески пытается зажать рот тем, чьи высказывания не совпадают с ее пропагандой и политикой.

Характерна в этом отношении судьба, постигшая книгу писателя Германа Гельмута Кирста «08/15» — роман из жизни фашистской казармы. Кирст, который и в предыдущих своих романах осуждал фашизм, показал в новой книге, как чудовищная муштра в гитлеровском вермахте убивала в солдате человека, лишала его способности к самостоятельному мышлению. Хотя разоблачение фашистской казармы носит в книге Кирста ограниченный и половинчатый характер, сказанного им оказалось вполне достаточно. Председатель боннского бундестага Элерс, который любит бахвалиться, что он был до последнего дня фашистским офицером, аденауэровский министр Штраусс, сотрудничающий в милитаристском журнале «Веркунде» («Военная наука»), подняли кампанию травли писателя. Кирста обвиняют в попытке подорвать обороноспособность «федеральной республики». Писателю угрожают физической расправой. Перепуганные владельцы многих книжных магазинов объявили бойкот издательству, выпустившему книгу. Прокуратура вызвала для допроса редактора кельнского журнала «Нейе иллюстрирте», напечатавшего роман...

Характерно, что ряд буржуазных западногерманских газет не решается включиться в травлю, организованную фашистскими реваншистами.

Крупная буржуазная газета, выходящая в Мюнхене, «Зюддейче цейтунг» писала по этому поводу: «...Немецкий писатель «осмелился» изобразить в форме романа казарменный плац таким, каким он его пережил в «тысячелетнем рейхе», критически осмыслить пережитое. Не приукрашивая, говорит он о том, что в течение долгих лет наших бедствий более или менее остро испытывали на себе 22 миллиона немцев... Книга Кирста,— подчеркивает газета,— это страстное свидетельское показание, и вот, поди ж ты, против этого Кирста поднята настоящая травля с участием организации и высокопоставленных лиц... Можно только удивляться тому, с каким усердием иные тянутся в казармы, словно от скорейшего их открытия зависит наше счастье. Иногда кажется, что крылатые слова «политика с позиции силы» придуманы не в Вашингтоне, а в Бонне».

Необходимость считаться с настроениями общественного мнения, выступающего против возрождения вермахта, побудила «Зюддейче цейтунг», а также некоторые другие западногерманские газеты напечатать письма читателей, поддерживающих роман Кирста и критикующих политику ремилитаризации Западной Германии.

Характерно, что многие читатели в своих суждениях оказались куда более последовательными, чем сам Кирст. Они выступили не только против казарменной муштры, но и против боннской политики, вновь превращающей Западную Германию в очаг агрессии и войны.

Ниже публикуются отрывки из этих писем.

◇ Браво роману «08/15»! Этот роман о казарме попадает в самую точку!

Петер ГАРДЕНБЕРГ. Боттроп

◇ ...В прошлом за годы солдатской службы немцы так научились повиноваться, что впоследствии не осмеливались отстаивать свое мнение в вопросах политики и безропотно пошли вслед за «фюрером», который привел их к гибели.

Карл ГАММЕРШМИД. Маркштейн

◇ Офицеры требовали от унтер-офицеров поддать жару, чтобы сделать людей ручными, бессловесно покорными...

Больше всего необходимо нам, немцам, воспитать в себе гражданское мужество, способность мыслить с сознанием собственного достоинства (но, разумеется, и с самокритикой).

А. ШИЛЛИНГЕР. Зелльгубен близ Розенгейма

◇ Пора всем нам открыто примкнуть к тем, у кого достаточно мужества, чтобы убежденно и во всеуслышание осудить опасный ход событий.

Ганс КВЕСТ. Мюнхен

◇ Любая строчка вашего романа о казарме кричит об оболванивании и о придирках проклятой безмозглой военщины, которым подвергался солдат.

Хотелось бы, чтобы каждый действительно узнал из этой книги, какие прелести ожидают его в будущем вермахте.

Гельмут ТЕННЕС. Кельн

◇ ...Похоже на то, что мы очень скоро попадем во власть тех людей, которые в силу своей «милитаристской традиции» повинны в кровавых столкновениях в Европе на протяжении столетий.

И до чего мы дошли в результате! Может быть, вы считаете, что именно в 1954 году все станет по-другому?

Ганс МОР. Нюрнберг

◇ В отчаянии хватаешься за голову при виде безумия, которое распространяется все дальше...

Меня охватывает тревога. Я не знаю, что делать, чтобы мы вновь не попали под власть чудовищ.

Аннелизе ГЭФЕЛЕ. Гаутинг

◇ Мы, люди молодого поколения, более чем благодарны господину Кирсту за то, что он показал нам, какими методами хотят сделать из нас послушных солдат. Никто не убедит нас, что новая военщина будет человечнее старой. Ни при каких условиях! Организаторы нового вермахта хотят затоптать в грязь правду и нашу свободу. Мы благодарны Кирсту за то, что он показал, к чему мы должны быть готовы. За то, что он нам помог заблаговременно поразмыслить над тем, как предостеречь себя от произвола таких, как Гиммельштосс[1].

Вальтер ДИРЛ. Мюнхен

◇ Как мудро поступает божественное провидение, препятствующее вот уже в течение двух лет ратификации договора о европейском оборонительном сообществе. Будем же надеяться, что Париж подбросит еще не одну тормозную колодку под колеса немецкой милитаристской тележки. Господь и большинство французов по горькому опыту знают, что можно ожидать от тупой, безголовой военщины с правобережья Рейна. Председатель бундестага, евангелический церковник Элерс и министр без портфеля, неудачливый представитель южногерманских католиков Штраусс открыто прокляли книги, в которых говорится о прошлом, книги Ремарка и Кирста только потому, что эти писатели честно описали казарму. Пусть же это предостережет того, кто верит в мираж Теодора Бланка с его «гражданами-солдатами».[2] Господа Элерс и Штраусс сами этому не верят ни на иоту. Им бы только опять найти рабов-гребцов для галеры их боннского государства.

Иозеф ЛАКУР, отставной фельдфебель. Гершинг

◇...война была для профессиональных рубак, живодеров и ретивых марионеток золотым веком. Им снова позволено ходить с высоко поднятой головой; позабыть миллионы вдов и сирот, калек и инвалидов, позабыть пустыри и развалины. И эти люди, поощряемые болтовней не в меру хвастливых демагогов-депутатов, могут вести травлю против тех, которые осмеливаются напомнить о том, что было!..

Д-р Карл ИЕРИНГ. Мюнхен

◇ Поразительны та хлопотливость, с которой некоторые наши политики ведут возню вокруг «солдатской чести», та радость, с которой они вспоминают о своей военной службе...

Есть такие, для которых жить в Германии приятно только тогда, когда по утрам раздается побудка, марширующие воинские соединения занимают всю улицу, в воздухе стоит гул от эскадрилий, под танками гибнут посевы, а население вынуждено жаться по сторонам перед приближающимся «цветом нации», который отбивает железный шаг.

Поймут ли, наконец, в нашей стране, что мир создан не ради военщины?

Ганс БРААМС. Мюнхен

◇ Как может г-н Штраусс, который подчеркивает, что он христианский политик, считать книгу Кирста «карикатурой»? В каких целях хочет он решительно воспрепятствовать, чтобы читателю было правдиво показано лицо ненавистной военщины и ее пороки, которые ни один честный человек не может отрицать?

Никогда не утратит свою справедливость меткая пословица: «Только самые глупые телята сами ищут своих мясников». И поэтому пусть кое-кто ждет с безудержным нетерпением наступления того времени, когда опять зазвучат медные трубы и телячье быдло будет шагать, высоко подбрасывая ноги. Что касается нас, то мы готовы принять на себя упрек в том, что мы пренебрегли наступлением этого времени.

Пауль РАЙБЛЬ. Мюнхен

◇ В итоге той системы, которая воплощена в книге «08/15»,— миллионы убитых, расколотая родина, невыразимая нужда. Депутаты, которых мы послали в Бонн (в бундестаг.— **Ред.**), уже успели об этом позабыть. Средства, расходуемые на то, чтобы сколотить вермахт, принадлежат тем, кто из-за последствий войны оказался в беде. Это поступления от налогов, которые мы платим, и если эти деньги расходуются на новых солдат, то это происходит против воли большинства немецкого народа. На ближайших выборах мы изберем того, кто будет бороться за работу и мир. Ибо любая игра в солдаты в конечном счете приводит к войне. Мы на собственном опыте достаточно испытали казарменную муштру, и мы хотим избавить от этого наших детей.

Карл ШУСТЕР, Мюнхен

◇ Мы, женщины, чье предназначение — давать жизнь новому существу и оберегать ее, мы против всего того, что вновь угрожает жизни, угрожает после нескольких мирных лет! Эту угрозу несет с собой новый вермахт. Никто не убедит нас в том, что такая армия будет служить сохранению мира.

Герта ОПИТЦ. Мюнстер.

◇ ...предпринять все, использовать все до конца, но уж действительно все, чтобы обеспечить воссоединение нашей расколотой страны. То, что это никогда не может быть достигнуто с помощью Европейской армии, должно быть понятно всякому, кто хоть мало-мальски разбирается в вопросах истории и политики.

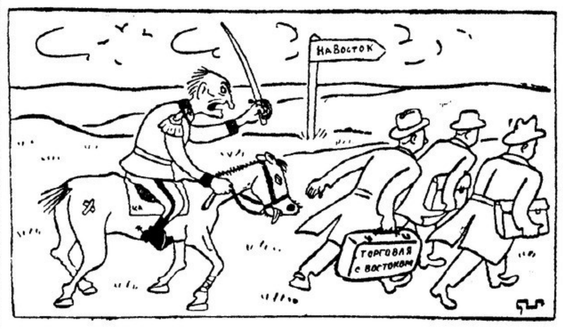
Г. ПИТЧ

[1] Один из персонажей романа Кирста. — **Ред.**

[2] «Граждане-солдаты» — так демагогически называет ведомство Бланка солдат будущего вермахта, желая внушить общественности, что они будут на ином положении, чем солдаты гитлеровской армии. **Ред.**

Многие политические деятели и промышленники Западной Германии, трезво оценивающие международную экономическую обстановку, стремятся к расширению торговых связей с Советским Союзом и странами народной демократии.

(Из газет).



Аденауэр: «Стойте, остановитесь! Я не то имел в виду, призывая идти на Восток!»

Рисунок художника Вильке из немецкой газеты «Берлинер цейтунг»

Клеветник из „Лайфа“

Один и тот же недуг поражает некоторых буржуазных журналистов, приезжающих в Москву,— страсть к предсказанию будущего. Превратившись в пифию с пишущей машинкой, журналист подобного толка не довольствуется ни объективным изложением фактов,— к этому он просто не привык,— ни даже извращением фактов и сенсационной подачей пустяков. Торопливо набросав преамбулу, в которой факты по большей части ходят на голове, пролив крокодилову слезу по поводу недостатков, вычитанных из советских же фельетонов, он объявляет о «слабости советского государства» и предсказывает его крушение в ближайшем будущем. При этом, очевидно, ни наяву, ни во сне его не тревожит печальная участь собратьев, более тридцати шести лет садившихся в лужу именно на подобного рода пророчествах. Видать, у идеологов так называемого «свободного мира», на который сейчас усиленно наклеивается американская этикетка, память слабовата, а широта исторического горизонта не выходит за пределы обложки свежеписанного блокнота.

Эммет Джон Хьюз, серию статей которого о Советском Союзе недавно опубликовал журнал «Лайф», именуется «ветераном американской журналистики». Седины обязывают, и американский читатель вправе был ожидать от Хьюза если и не правды в чистом виде, то уж во всяком случае искусной дезинформации. Нельзя сказать, чтобы Хьюз не потрудился ради последней в полную меру своих сил, однако же в конечном счете журнал «Лайф» получил от своего чернильного ветерана не столько профессионально ловкую клевету, сколько дилетантское рукодельe на заданную тему.

Сначала Хьюз неподдельно удивляется тому, что в здании Внуковского аэродрома ему не устроили ни допроса, ни скрупулезного осмотра в таможне. Это удивление понятно — Хьюз прибыл из страны, где иностранцев не только допрашивают на пароходах и вокзалах, но и снимают оттиски пальцев, как у преступников. Как не раскрыть рта от удивления после американских «свобод»! Затем для Хьюза начинаются другие, как он пишет, приятные «сюрпризы» и «сенсации». Он изумлен, что в России есть не только автомобили вообще, но также и хорошие такси. Вероятно, начитавшись американских газет, он ожидал, что от аэродрома до города его повезут на собаках и уж в лучшем случае— на тройке. Приятным сюрпризом он считает и то, что в московских гостиницах и домах отопление работает лучше, чем в некоторых странах Запада, и даже находит достаточно здравого смысла, чтобы удержаться от предположения, что отопление включили специально к его приезду.

Но это и есть последняя вершина, на которую ему удается вскарабкаться. Вслед за тем он открывает одну из роковых слабостей советского общества: у многих москвичей — оранжевые шелковые абажуры. Более того, чтобы подчеркнуть для читателя все размеры этого социального бедствия, он даже печатает в статье снимок такого абажура на письменном столе гостиницы. При этом ему и в голову не приходит привести хоть какие-нибудь доказательства преимуществ, скажем, синих или зеленых абажуров, а глаза его устроены так, что других абажуров и самых разнообразных плафонов он попросту не видит. Странно устроено зрение у ветеранов американской журналистики,— как у ос, которые не только на редкость близоруки, но и путают цвета!

Мы сказали, что все это пока являлось преамбулой, в которой Хьюз даже отпускает неуклюжие похвалы советской жизни, пытаясь создать видимость хоть какой-нибудь объективности. Вероятно, этим приемом американский ветеран пользовался еще тогда, когда ходил в журналистике пешком под стол.

Далее Хьюз начинает повествовать о советской жизни так, как он видит ее своим насекомообразно устроенным зрением.

Ему не нравится в Советском Союзе все, за исключением «наследия, полученного от царей». Тут он проявляет ту же широту, что и вашингтонские власти, не только принимающие в распростертые объятия прогоревших монархов, но и подсаживающие на трон любого самозванца, лишь бы он обеспечивал американские интересы. Хьюзу не нравится, например, московское метро. Может быть, оно хуже американского? Нет, он признает, что московское метро великолепно. Может быть, дорог билет? Нет, он сам пишет, что «за небольшую сумму в 50 копеек поезда метрополитена... быстро доставят пассажира на любую из 39 станций, которые являются самыми невиданными сооружениями, когда-либо созданными современным человеком». Что же не нравится Хьюзу? Этого он и сам не может объяснить. Как видно, именно то, что советское метро лучше американского. Не нравится Хьюзу еще и то, что на улицах не слышно «завывающих сирен, резкого стона тормозов». Повидимому, привыкнув к звукам джаза, Хьюз полагает, что именно вой и визг всего более и украшают жизнь горожан!

Со своим кривым зеркалом Хьюз не только спускается в метро,— он ездит с ним по пригородам Москвы, бродит по улицам и площадям, рынкам и магазинам. Если поверить Хьюзу, то получается, что в Москве невозможно что-либо купить. По этому поводу можно обратиться к свидетельствам, объективность которых не может оспариваться даже самим Хьюзом. Вот что, например, пишет о московской торговле Джеймс Скотт, глава английской торговой делегации, недавно побывавший в Москве:

«Я с удовольствием осматривал московские витрины,— писал он в английской газете «Стар». — Магазины выглядят весело, хорошо освещены, на многих неоновые рекламы. Они достойны великой столицы огромной страны...

...Один из самых современных магазинов, которые я посетил,— это государственный универсальный магазин—ГУМ. Он, безусловно, не уступает лучшим лондонским магазинам... Вы можете купить в ГУМе все, что угодно,— от телевизора до готового платья и от пылесоса до водки... Мое внимание особенно привлекал продовольственный отдел, где под стеклом моим глазам предстал невиданно широкий ассортимент продуктов — окорока, икра, шоколадные конфеты, пирожные, вина».

Джеймс Скотт — не политик, он — деловой человек, и в торговле и экономике его суждения, безусловно, куда более весомы, чем свидетельства Хьюза. После этого остается только предположить, что Хьюз видел не ту Москву, какая есть в действительности, **а ту, какую ему хотелось бы видеть.**

Почитав статьи Хьюза, можно с уверенностью сказать, что знание экономики отнюдь не является сильной стороной его журналистской деятельности. Прочитав фразу: «Первоочередная задача состоит в том, чтобы значительно улучшить снабжение населения всеми видами предметов широкого потребления», Хьюз делает вывод, что она означает если уж не крах, то во всяком случае крайнюю слабость советской экономики. Но пусть-ка попробует американская промышленность увеличить выпуск товаров широкого потребления в момент происходящего в США экономического спада!.. Сколько ни рекомендуй Хьюз такую меру спасения, американские деловые круги сю не воспользуются, потому что увеличивать производство товаров потребления можно только тогда, когда экономика страны находится в стадии подъема, роста. Это и понятно: прежде чем выпускать товары, нужно обеспечить населению такой заработок, при котором оно может покупать товаров все больше и больше. А это, между прочим, происходит по закону, о котором ветеран американской журналистики не имеет никакого понятия,— по основному экономическому закону социализма: максимальное удовлетворение непрерывно увеличивающихся материальных и культурных потребностей народа.

Проплясав словесное, притом довольно витиеватое буги-вуги по таким проблемам, как торговля, экономика, сельское хозяйство, Хьюз делает сногсшибательное, хотя отнюдь не им изобретенное «открытие», что коммунистический «эксперимент» провалился. Ну, провалился,— так кому бы уж и не порадоваться, как Хьюзу? Уж он-то не то что не любит, а прямо не выносит советских порядков, раздражаясь и от того, что в Кремле на елке танцуют дети, и от того, что члены Советского правительства шутят и улыбаются на приеме, и от того, что «единственные скромно одетые москвичи — это люди в форме», и даже от того, что Советское правительство «добивается мира и, вероятно, будет делать то же самое в ближайшем будущем...». Тут-то, раз уж ненавистный ему «эксперимент» провалился, Хьюзу и порадоваться, издать вздох облегчения и развеселить читателя улыбкой. А Хьюз только еще более мрачнеет и брюзжит.

В чем же дело?

А дело в том, что как раз тут-то ветеран американской журналистики и приступает к решению самой важной задачи, ради которой городился весь этот огород из фразеологических пасьянсов. Задача эта заключается в том, чтобы представить в извращенном виде жизнь в Советском Союзе, обмануть читателей, скрыть от них явные преимущества социалистического строя. Тогда, думает он, будет легче соблазнить Запад американским образом жизни, легче уговорить западноевропейцев стать посговорчивее и поуступчивее, когда американцы загоняют их в свои политические и экономические сети. Хьюз пишет: «Простая задача Запада очень трудна: использовать каждый источник силы...». Вот, оказывается, что кроется за всеми пропагандистскими увертками Хьюза! Все та же американская политика «с позиции силы», та же «большая палка», при помощи которой заокеанские толстосумы пытаются диктовать свою волю другим народам.

Теперь ясно видно, что Эметт Джон Хьюз наделен не только осиным зрением, но и ядовитым жалом, отравляющим читателей пропагандой ненависти и агрессии.

Есть, впрочем, еще одно щекотливое обстоятельство, проливающее свет на всю эту историю.

Говорят, Эммет Джон Хьюз, «ветеран американской журналистики», является постоянным советником некоторых шумных деятелей США на арене международной политики. Вот уж поистине не позавидуешь ни деятелю, который имеет такого советника, ни политике, которая им проводится. Иллюзии и миражи — ненадежная база для серьезных сооружений!

Н. ГРИБАЧЕВ

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМИРНОВ,

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И—51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И — 51, Цветной бульвар, 30.

Б02561.